

Михаил
ГРИШИН
г. Тамбов

ОСТРОВ С ПРИЗРАКАМИ,

ИЛИ *Необыкновенные приключения Витьки Картошкина и его друзей Колюни и Вовчика*

1

Если рассудить по правде, то раньше Витька никогда островами не интересовался. И вообще, Витьке даже думать об этом было некогда, потому что у него и без того дел хватало, как у всякого занятого человека.

Взять, например, школу: в классе больше двадцати учеников, а ни одно даже самое незначительное мероприятие без Витьки не обходится, хоть другие ничуть не хуже могут петь, танцевать, рисовать стенгазету, выступать на соревнованиях и олимпиадах. Да и как откажешься, если тебе доверили отстаивать честь класса. Это только какой-нибудь лодырь может к такому поручению отнестись пренебрежительно, а Витька себя таковым не считал. Он человек нужный и даже уважаемый.

Кроме этих школьных обязанностей, Витьке полагалось также выполнять обязанности домашние: пылесосить, выносить мусор, ходить за хлебом и ещё много всяких других мелких дел. Конечно, можно было бы под каким-нибудь надуманным предлогом увильнуть — какая важ-

ность! — и предаться своим заботам. Но ответственность не позволяла сознательному Витьке обмануть надежды отца с матерью, которые с работы приходили усталые и любили, чтобы в доме был порядок.

Причём все эти многочисленные дела надо было изловчиться выполнять без малейшего вреда для школьной успеваемости.

Но дела — пустяк, если бы при этом не страдала Витькина личная жизнь. Он чуть было совсем не отвык хулиганить, едва не превратившись в самого заурядного правильного мальчика. Да, на его счастье, наступили долгожданные каникулы, отдалив на неопределённый срок такую нерадостную перспективу. Витька сразу почувствовал бодрость и энергию, которые скопились в нём за время примерного поведения.

Вот тогда-то ему своевременно и попала на глаза старая книга, где один писатель очень толково описал жизнь матроса Робинзона Крузо на необитаемом острове. В общем, всё как-то само собой получилось... Если, конечно, не считать Вовчика, который эту книгу и принёс.

Вовчик был большой любитель чтения — успел перечитать все книги в городской библиотеке и теперь замахивался на Национальную библиотеку в городе Москве. От такого непрерывного чтения голова у него развивалась быстрее, чем всё остальное. И это не удивительно, так как в большой голове удобно хранить много чего полезного. А в маленькой разве всё уместится? Нет, конечно! И в конце концов Вовчик стал похож на инопланетянина: огромная голова на хилом теле. Круглые роговые очки, которыми Вовчик очень гордился из-за того, что они будто бы сделаны из панциря самой настоящей морской черепахи, придавали ему ещё больше сходства.

После прочтения такой необыкновенно интересной книжки Витька сильно разволновался: как это раньше он умудрялся обходиться без необитаемого острова — даже удивительно. Жил себе как последний болван, занимаясь всякими пустяками, достойными разве что быть забавами для малышей. А где-то, оказывается, стоит необитаемый остров безо всяких дел и ждёт не дождётся, когда Витька на него приплывёт и начнёт осваивать. Возникшее было сомнение по поводу того, что в двадцать первом веке необитаемых островов не осталось, Витька отверг как вредное и не достойное внимания настоящего исследователя, крепко уверовав, что один, да остался. И Витькино предположение подтвердилось. Вот что значит научно мыслить!

2

Выходной, когда Витькины родители ушли к Отцовской родне в гости, а сам Витька только расположился на кухне как следует подкрепиться, чтобы потом целый день не отвлекаться на такую мелочь, как еда, в квартиру длинно позвонили и тут же без паузы громко забарабанили в дверь. А так как удары раздавались снизу, колотили, несомненно, ногами.

От такой наглости Витька чуть не подавился.

Взрослый человек не станет хулиганить. Значит, колотил кто-то из ребят. Желая проучить наглеца, Витька, когда бежал по коридору, схватил что попало под руку — тапок, и резко распахнул дверь. Последнее, что он успел увидеть, прежде чем опустил тапок на го-

лову, было изумлённое лицо толстого Колюны по прозвищу Пельмень.

Поражённый такой встречей, Колюня, запинаясь, пробормотал:

— Т-ты чего д-дерёшься?

— Дверь не для того сделана, — заорал Витька, — чтобы её ногами пинали... кто попало!

Колюня оправдывался, растерянно моргая:

— Я к нему по делу пришёл... А он меня сразу тапком по голове... А ещё друг называется!

— А нечего дверь пинать! Она тебе виноватая? — не мог успокоиться Витька. — Для этого звонок имеется.

Опасливо косясь на разъярённого хозяина квартиры, Колюня протиснулся мимо него внутрь, бормоча:

— Если бы не срочное дело, я разве стал бы ногами стучаться? Нет, конечно!

Действительно, любой человек грохот услышит скорее, чем обычный звонок, и Витька успокоился:

— Ладно... Только поаккуратнее надо, а не так... Каждый тут будет...

Увидев на кухне пирожки с начинкой, которые аппетитной горкой возвышались на тарелке, Колюня повеселел. Хотя и без этих пирожков упитанный Пельмень выглядел основательно, как Илья Муромец в молодости: тугие лоснящиеся щёки, пухлые губы, курносый нос в веснушках, заплывшие глаза и вечно взъерошенные волосы.

Две вещи любил Пельмень больше всего на свете: вкусно поесть, отчего у него живот выпирал, как у беременной тётеньки, и этим самым животом пихаться. Подойдёт к какому-нибудь пацану, который стоит себе смирно, никого не трогая... раз, и летит смирный мальчишка вверх тормашками, хлопая глазами от такой несправедливости.

Пельмень по-хозяйски развалился на стуле и принялся с тарелки таскать пирожки, заглатывая их, как крокодил.

Срочное дело, о котором он пришёл сообщить, выглядело следующим образом: его отец, вечно занятый на работе, в кои годы собрался отдохнуть — махнуть на рыбалку на Митяев кордон, где жил его знакомый лесник Иван Петрович. Неподальку от кордона протекала широкая река Студенец, и этот самый лесник знал на ней все заветные места, где водятся щуки, налимы,

окуни и другая полезная для организма рыба. Отец, давно мечтавший отведать пахнущей дымком ухи, до того был рад предстоящей вылазке на природу, что разрешил Колюне прихватить с собой кого-нибудь из своих дружков. А так как самым закадычным другом считался Витька, который, не разобравшись, сразу начал драться, за что Колюня на него, впрочем, совсем не в обиде — друзья всё-таки, — он решил прихватить с собой Витьку. Поэтому завтра прямо спозаранку Витьке предстояло явиться на железнодорожный вокзал...

Колюня доел последний пирожок, облизал пальцы и разочарованно протянул:

— И это всё-ё?

— Всё, — сказал Витька, сам успевший съесть всего один, да и тем чуть не подавился.

— А почему вы так мало готовите? — удивился Колюня.

— А зачем нам готовить много? — тоже удивился Витька.

Колюня самодовольно похлопал себя по животу, который раздулся у него ровно на два десятка Витькиных пирожков, и сказал:

— А у нас мать много готовит. Один раз они с отцом целый день возились — гостей ждали. А я возьми и всё поешь... Пришлось им снова готовить, чтобы знакомые не обиделись, что просто так в гости приходили...

Витька посмотрел на опустевшую тарелку и вздохнул:

— И куда в тебя только помещается?

Колюня, примериваясь было задремать, потёр глаза и, зевая во весь свой широкий, как у лягушки, рот, вяло сказал: — В меня... помещается.

...Проживать в чужой стороне поначалу всегда трудно. Это известно любому исследователю. Потому что там другой климат и другие люди, а уж без знания местных обычаев можно запросто угодить в какую-нибудь глупую историю. Поэтому в команде отчаянного Витьки и бестолкового увальня Колюни просто необходим был человек рассудительный, способный мыслить необыкновенно.

Пришлось взять с собой Вовчика — человека умного, хоть и дохлого, к тяжёлым походам не приспособленного.

На вокзал Витька явился первый, как самый

дисциплинированный. Каково же было его удивление, когда под часами, где накануне была обговорена встреча, он увидел многолюдную толпу — люди оказались совсем не глупыми и тоже часы выбрали как место наиболее приметное.

Солнце только что вышло, грело ещё слабо. По перрону «бродили» голуби и пили из не просохших после ночного дождика лужиц. Гудел маневровый паровоз.

Появился Пельмень, нагруженный вещами, как вычное животное и даже хуже... Он подошёл к ожидавшему Витьке и с печальным лицом пожаловался:

— Вообще-то, мать, собирая всю эту муру, рассчитывала на отца. А не успели мы зайти за угол, как он всё на меня перегрузил. Говорит, чтобы с малолетства привыкал ко всяким трудностям и чтобы жизнь мне мёдом не казалась.

Витька, неизвестно чему ухмыляясь, спросил:

— А сам он где?

Колюня махнул в сторону вокзала:

— Газету покупает.

Вдалеке показалась тщедушная фигурка Вовчика в громадной шляпе, видно, надетой им для того, чтобы не напекло голову и не повредились мозги. Под тяжестью рюкзака его нещадно кидало из стороны в сторону. К тому же сползавшая всё время на глаза шляпа доставляла дополнительные неудобства. Не видя, Вовчик сталкивался с прохожими и с необыкновенной быстротой перемещался вслед за своим рюкзаком, чудом удерживаясь на ногах.

Витька с Колюней с интересом стали наблюдать за его зигзагообразным передвижением, гадая — хватит ли у Вовчика сил преодолеть весь путь на своих ногах или последние метры придётся ползти.

Но Вовчик не опозорился и, плюхнув рюкзак, отдуваясь, сказал:

— Дошёл.

Витька пнул его рюкзак и, почувствовав что-то твёрдое, поинтересовался:

— У тебя чего там?

— Книги.

Витька с Колюней удивились:

— Зачем столько?

Вовчик разъяснил:

— На свежем воздухе читать намного полезнее, чем в доме... От этого прочитанное усваивается

быстрее... Потому что усталость выветривается и голова находится всё время в свежем состоянии.

Новый метод по усвоению книжных текстов, изобретённый учёным Вовчиком, Пельменю показался больно сомнительным, и он, почесав затылок, спросил:

— А вот знания твои... Они вместе с усталостью не выветрятся?

Вовчик подумал и сказал:

— Знания, они не в голове, они в мозгах. А у меня что в мозги попало, уже никогда не выветрится, хоть бей по голове чем ни попадя.

Но проводить маленький эксперимент со своей головой, как предложил пребывающий в сомнении Пельмень, не захотел, сказав, что знания всё равно останутся, только голова пострадает, а она тут ни при чём, чтобы по ней лупили. И привёл такой пример, против которого не поспоришь:

— Вот в древние времена для чего учёных на кострах сжигали? Потому что ничего поделаться с ними не могли: как ни пытались, как ни колодили по головам палками, а знания всё равно в мозгах оставались. Вот инквизиторы и придумали их вместе со своими знаниями сжигать, чтобы они больше ими не хвалились... А пепел развеивали по ветру.

— Это мы знаем, — согласился Колюня. — Учили.

И даже вспомнил одного такого учёного астронома, пострадавшего от своих несвоевременных знаний, но всё равно от них не отказавшегося, — Джордано Бруно.

3

Объявили посадку на поезд.

Витька, который слыл более опытным путешественником и прихватил с собой только самое необходимое: солдатскую фляжку с водой, фонарик, компас, спички, моток капроновой верёвки, складной ножичек, половинку бинокля, увеличительное стекло и другие, просто незаменимые в любом походе предметы, хотел было помочь слабосильному Вовчику, но тот оказался упёртым, как все учёные, для которого сгореть на костре было самым обычным делом, нежели доверить кому-то свой ценный груз.

Не согласился на помощь и Колюня, побоявшийся, что отец обличит его в отлынивании от трудностей и в воспитательных целях добавит ему в рюкзак всё что угодно, вплоть до кирпичей.

Глядя на таких дураков, больше похожих не на путешественников, а на бурлаков с картины художника Ильи Репина «Бурлаки на Волге», репродукция которой висела в классе, сам Витька держался солидно, как и подобает знаменитому исследователю.

Он первый и заметил толстую в три обхвата тётку, по сравнению с которой даже жирный Пельмень выглядел воробышком. В руках тётка несла здоровенную клетчатую сумку, именуемую среди рыночных торговцев «мечта оккупанта», потому что в неё вмещается столько, сколько захочешь. Справиться с такой неподъёмной сумкой тётке было нелегко, и она так часто садилась на неё передохнуть, что, наверное, думала, будто поезд обязан был дожидаться её одну. Но из-за одного человека, даже такой чудной тётки, вся железная дорога график движения поездов менять вряд ли станет, и Витька, с малолетства приученный уважительно относиться к взрослым, с готовностью подставил своё могучее мужское плечо. Он подскок к тётке, которая готовилась в очередной раз передохнуть, подхватил сумку и, кособочась, поволок к вагону.

— Эт-то что такое? — вскричала тётка.

Но тут её саму подхватили под руки подоспевшие Вовчик и Пельмень и тоже поволокли к вагону, как два трудолюбивых муравья большую муху.

С минуту тётка соображала, что бы всё это значило, потом негромко заголосила:

— Ой, ой, оставьте меня!

— Да не переживайте вы так, — самым добрым голосом уговаривал Пельмень. — Вы нам не в тягость.

Но тётка попалась какая-то бестолковая, всё никак не могла понять, что люди заботятся о её здоровье, и не умолкала, повышая голос:

— Ой, мама родная! Ой, да что же это творится на белом свете!

Тётка хоть и капризничала, отказываясь от помощи, но особо не сопротивлялась, видно, побоявшись, что сумка уедет в гости одна, а она даже

не предупредила родственников, чтобы сумку встречали на вокзале, и они друг друга не узнают и могут разминуться.

Витька оставил вещи в вагоне и вернулся на подмогу. Втроём они кое-как затолкали тётку, и Витька облегчённо вздохнул:

– Успели!

Тётка, дрожа разруганными щеками, задыхаясь, пыталась выговорить:

– Спа...па...

Витька, не утруждая себя ожиданием услышать внятное «спасибо», скромно сказал:

– Не стоит благодарности. На нашем месте так поступил бы каждый.

И тут тётку прорвало. Глядя на ребят диким взглядом, она принялась ругаться:

– Паразиты вы этакие!.. Вы что же вытворяете? Вы зачем меня в поезд запихали?

Пассажиры с интересом стали прислушиваться.

– А разве вы... не уезжаете? – растерянно спросил Пельмень.

– А с чего бы мне уезжать?!

Вовчик, глядя на рассерженную тётку, робко признался:

– Ошибочка вышла.

– Ошибочка! – злобствовала тётка. – Это что же получается! Не успела я приехать, а уже, значит, обратно уезжаю?

Но тётка разволновалась зря, потому что поезд не набрал самый быстрый ход и при умелых действиях Витьки со стоп-краном затормозил быстро, а не увёз её в другой город. А то пришлось бы шагать тётке обратно целых сто километров, а так только из-за города, что, конечно, тоже не близко, если взять во внимание её тяжеленную сумку. Стоило из-за этого поднимать шум. Радостная от того, что не уехала во Владивосток, тётка с такой прытью покинула вагон, что, глядя на неё, ни за что не подумаешь, что человек с подобной комплекцией способен совершить действия с проворностью обезьянки.

Опомнившись от удивления, друзья облегчённо вздохнули, и Витька, оправдывая свою глупость, сказал:

– Откуда я знал, что она домой шла... На ней не написано.

Представив, что подумала тётка, когда её

бесцеремонно волокли к поезду, на ребят напала смехота, перешедшая в неудержимый хохот: Витька повалился на лавку, задирая ноги, Пельмень плюхнулся на место, колыхая животом, как человек-гора, а Вовчик от смеха так обессилел, что рюкзак перевесил и он упал на спину в проходе, став похожим на перевёрнутую черепаху. Это придало ещё больше веселья, потому что задохлику Вовчке без посторонней помощи вовек не подняться.

Сильно прихрамывая, пришёл Колюнин отец дядя Женя, неся в одной руке газету, а в другой тощий рюкзакишко, по одному виду которого нетрудно было догадаться, для кого он в походе предназначался.

– По какому поводу веселье? – поинтересовался дядя Женя.

– Анекдот смешной вспомнили, – ответил Пельмень.

Дядя Женя кивнул и тут же подал ценный совет:

– Дружка своего с прохода уберите. А то, если его раздавят, будет ещё смешнее.

Пельмень с Витькой кинулись к беспомощно барахтавшемуся Вовчику, освободили от него рюкзак и, зная, как трясутся учёные над своими книжками, бережно разместили рюкзак на полке, а Вовчик разместился на лавке сам.

Дядя Женя присел на край и, сняв кроссовку, стал рассматривать распухшую ногу, сокрушённо покачивая головой:

– Нда-а! Не ко времени меня угораздило...

Ребята придвинулись поближе, и Пельмень немного обеспокоенно спросил:

– Где это ты, пап?

– Я отчего задержался? – начал рассказывать дядя Женя. – Знакомого в соседнем вагоне встретил. А когда сюда добирался, какие-то хулиганы стоп-кран сорвали... Я же не ожидал, что поезд на ходу вдруг резко остановится... Вот и упал, подвернув ногу... Да ещё лбом о дверную ручку приложился... Во! – он убрал чуб, и все увидели выдающуюся по размерам шишку. – Теперь будет чем в ночи светить! – не унывал дядя Женя.

Ребята незаметно переглянулись и заёрзали: мало того что они забыли про своего взрослого товарища дядю Женю, так ещё вместо него прихватили с собой какую-то несуразную тёт-

ку, которая, в отличие от дяди Жени, уезжать совсем не собиралась. Да ещё из-за этой самой тётки дядя Женя повредил ногу...

Витька, чувствуя себя виноватым в такой неразберихе, участливо спросил:

— Больно, дядь Жень?

Хоть и без того было видно, как ему больно, дядя Женя виду не подал, весело ответив:

— Терпимо!

Скрипя буксами, поезд тронулся.

Ребята приникли к окнам.

Тётка осторожно спускалась по насыпи, балансируя свободной рукой. На полдороге щёбёнка под её ногами посыпалась, и она, не устояв, грузно шмякнулась назад. Цепко держа сумку на коленях, тётка съехала с насыпи, оставив за собой пыльное облако. Её пронзительный визг плеснул в приоткрытые окна, переполошив пассажиров больше, чем вынужденная остановка. Они вслед за ребятами поглядели наружу. Тётка успела оправиться от испуга и грозно потрясала кулаками. А так как за перестуком колёсных пар её было уже не расслышать, она разевала рот без звука, как в немом кино.

— Чего это она? — оторопел дядя Женя от такой необычной выходки взрослого человека.

— Поездом ошиблась, — пояснили ребята. — А теперь злятся.

Дядя Женя подозрительно к ним пригляделся, а потом спросил:

— И вы здесь, конечно, ни при чём?

Троица дружно замотала головами, не отвлекаясь от окна.

4

На лесном тихом полустанке, где от шпал пахло разогретым на солнце креозотом, путешественников встречал лесник Иван Петрович. Глядя на его длинную согбенную фигуру, никогда не подумаешь, что он мог один, «вступив в схватку с тремя вооружёнными браконьерами, скрутить их», как о нём писала районная газета «Трудовая новь». И только зелёная фуражка, похожая на пограничную, но с кокардой из дубовых листьев, придавала ему нужную солидность.

— Здорово, парни, — сказал лесник и крепко

по-мужски пожал всем руки. — Как добрались?

— Нормально, — ответил дядя Женя, но острый натренированный взгляд лесника разглядел расшнурованную кроссовку, и он спросил: — Что с ногой?

— Пустяк, — отмахнулся дядя Женя.

— В лесу пустяков не бывает, — суровым голосом осадил его Иван Петрович и, присев на корточки, стал осматривать ногу. — Эге, да тут, парень, дела покруче, чем в военных фильмах. А, насколько я понимаю, запасную ногу ты с собой не прихватил, поэтому придётся тебе, Евгений, в город возвращаться... снимок делать.

После короткого препирательства дядя Женя неохотно уступил, сказав:

— Петрович, ты уж тут до моего возвращения пригляди за моими охломонами... Мало ли.

Лесник весело оглядел притихших ребят и подмигнул:

— А чего за ними приглядывать? Они парни самостоятельные!

Витька, благодарный за то, что Колонин отец оставляет их одних на кордоне, подобрал толстую сучковатую палку и подал ему:

— Вот, дядь Жень, возьмите... Всё легче будет идти...

Дядя Женя повертел палку в руках и хмыкнул:

— Ну спасибо... заботничек!

Когда все отсмеялись, лесник уже на полном серьёзе поинтересовался:

— Ты сам как... доедешь?

— С таким инструментом, — заверил дядя Женя, — хоть на край света! — и он наглядно продемонстрировал, как пойдёт на край света: опираясь на палку, проделал пару шагов в сторону и обратно.

— Ну, смотри! — Петрович хлопнул его по плечу и, обращаясь к ребятам, скомандовал: — По коням, парни!

Насчёт коней он, конечно, пошутил, потому что их не было, а была одна рыжая лошадь, запряжённая в телегу с резиновыми колёсами — наверное, от какого-нибудь трактора. К ней и направился лесник широким шагом. Витька, Пельмень и Вовчик пошли следом, переглядываясь и толкая друг друга локтями.

Вовчик со всех сторон обошёл лошадь, даже заглянул ей под пузо, будто собирался увидеть там моторчик...

— Ты что ж, лошадь никогда не видел? — удивился Пельмень.

— Почему, — пожал плечами Вовчик, — видел.

— Где ты мог видеть? — стал допытываться настырный Пельмень и подковырнул: — Если только в телевизоре!

Но Вовчик на слабоумного Пельменя не обиделся, а честно сознался:

— На картинке.

И в очередной раз, подтверждая свою учёность, отчеканил:

— Лошадь — крупное непарнокопытное животное семейства лошадиных.

— Это точно! Сейчас лошадь только на картинке и увидишь, — разделил Вовчиков взгляд Петрович. — В телевизоре там всё больше меринов показывают. И знаете каких? — он хитро прищурился.

— Знаем, — ухмыльнулся Витька. — «Мерседес» называется.

— Во, во! Заграничных меринов видим больше, чем своих родных лошадок. Дожили...

Захапистый Пельмень и тут успел захватить самое интересное, заявив:

— Чур, я буду рулить!

— Рули, — разрешил лесник.

Витька, имевший опыт общения с лошадьми (однажды в деревне знакомый дядька подвозил его до бабушкиного дома), авторитетно сказал:

— Лошадью не рулят, лошадью правят.

Но Пельмень сделал вид, что не расслышал, и, усевшись впереди, натянул вожжи, заорав на весь лес:

— Пошла!

Несмотря на его зычный голос, лошадь продолжала стоять как ни в чём не бывало, будто команда относилась не к ней.

Опозоренный Пельмень смутился и, чтобы окончательно не пасть в глазах лесника, схватил короткий кнут и стал размахивать им над своей головой с такой скоростью, что сидевшие в телеге испуганно пригнулись, чтобы им не досталось по ушам.

— Кому говорю, пошла! — заорал Пельмень ещё громче.

Тогда лошадь презрительно оглянулась на возницу, задрала хвост и выдавила несколько зелёных яблок.

Пельмень перестал орать и затаив дыхание от-

вернул свой веснушчатый нос, часто мигая.

— Это она с перепугу, — развеселился Витька, — что ты её кнутом убьёшь!

В отличие от Пельменя, лошадь оказалась совсем не глупой. Справив своё дело, она безо всякого понукания сама пошла по лесной дороге.

— Дядя Иван, — спросил Витька, — а лошадь как звать?

Лесник таинственно улыбнулся и сказал:

— Имя у неё самое знаменитое. Сивка-бурка! Может, слышали о такой? — и он, размахивая в воздухе пальцем, наизусть прочёл куплетик из известной сказки Ершова, наверное, запомнив ещё со школьной скамьи:

*Сивка-бурка,
Вещая каурка,
Встань передо мной,
Как лист перед травой!*

Витька критическим взглядом оглядел едва тащившуюся лошадь и засомневался:

— Что-то не очень похоже.

Лесник, продолжая посмеиваться, пояснил:

— Раньше на ней почту возили. Вот она и привыкла к медленной ходьбе.

— А! Ну тогда конечно...

Оттого что настоящая Сивка совсем была не похожа на сказочную и не летала как чумовая, а шла неторопливо (Витька вспомнил, как у бабушки в деревне скакал верхом на козе Фроське, и прикусил язык), было даже лучше: никакой тебе тряски, дыши в своё удовольствие свежим лесным воздухом, настоящим на диких лесных цветах, да слушай концерт в исполнении лесных музыкантов — кукушки, иволги, дятла, синицы и других не менее талантливых пташек.

Резиновые колёса мягко катились по мокрому песку.

Витька лежал на спине и, свесив ногу с телеги, беззаботно ею покачивал. Пельмень правил, точнее держался за вожжи, делая вид, что правит, и иногда важно чмокал губами, хотя лошадь не обращала на него внимания и шла знакомой дорогой самостоятельно, мечтая о доме, где её ждала вкусная сочная травка.

Вовчик подсел к леснику, который сидел, свесив ноги на одну сторону, и на правах человека

учёного повёл разговор с ним на равных, показывая свою осведомлённость в лесных науках:

— Дядя Иван, а у вас тут в лесу случаи происходят?

— Какие случаи?

— Интересные!

— Интересные? — переспросил лесник и призадумался, потом оживился: — Ну, слухай... Есть тут у нас один любитель охотиться на кабанов — Коля Палый. Браконьер он известный, не один раз его штрафовали, а затем и ружья лишили, чтобы, значит, уgomонился. Да где там! Стал он баловаться силками — на кабаньей тропе расставлять. Раз попался в силок крупный секач, ну Коля и решил добить его топором. Однако случилась накладка: кабан, не будь дурак, резко рванул в сторону... и обух сбил металлическую петлю с его шеи. Коля перетрусил и, спасаясь от клыков разъярённого зверя, каким-то чудом успел забраться на стоявшую рядом сосну... Да и просидел там часов шесть, дрожа от страха как осиновый листок. Всё это время кабан грозно хрюкал внизу... Наверное, ждал, когда Палый устанет сидеть и упадёт... И лишь поздним вечером кабан скрылся в чаще... Да и то только из-за того, что я его ненароком спугнул. Тут закоченевший на дереве пленник и свалился к моим ногам... Отогрел я его, ну и, само собой, в кутузку...

Смешная история про растяпу-браконьера ребятам очень понравилась. А нечего невинных животных ловить, да ещё с топором! Самого бы этого Колю Палого обухом по голове, чтобы поумнел... Ребята в восторге захохотали.

Лошадь запрядала ушами и прибавила шаг, косясь лиловым глазом на ездоков.

Вовчик спрыгнул с телеги и ухарски исполнил дикарский танец, показывая, как ему весело. Витька поднялся и, сидя, заколотил себя в грудь кулаками, улюлюкая на весь лес:

— У-лю-лю-лю-лю!

Пельмень, не отставая от своих дружков, небрежно перехватил вожжи в одну руку, а другой залихватски свистнул, сложив средний и большой пальцы в кольцо. Даже суровый Петрович, повидавший всякое, поддался общему азарту — захлопал в ладоши, да так громко, что где-то далеко-далеко отозвалось раскатистое эхо.

И тут произошло непредвиденное: Сивка तो ли перепугалась такого необычного шума, то

ли проголодалась и заторопилась домой пожевать пахучего сена, только она вдруг поскакала галопом, задрав хвост, так, как, наверное, не бегала с самого детства, когда числилась ещё жеребёнком.

Пельмень от неожиданности выронил вожжи и кувыркнулся на спину, Витька успел испуганно вцепиться в край телеги, а лесник, покачнувшись, только и смог удивлённо воскликнуть:

— Ты гляди-ко! Ожила!

Вовчик перестал кривляться и застыл посреди дороги, в растерянности вылупив и без того увеличенные линзами глаза. Потом спохватился и со всех ног кинулся догонять, выкрикивая:

— Эй, вы куда! Стойте! Меня забыли!

Но Сивка, по-видимому, наслушавшись про своего сказочного собрата, неслась намного быстрее, и в скором времени Вовчик остался далеко позади.

Лесник изловчился и, ухватив вожжи, натянул. Сивка, роняя изо рта пену, заплясала на месте, пару раз поднялась на дыбки и с неохотой перешла на нормальный шаг, а потом и совсем остановилась, дрожа и тяжело вздымая боками.

— Ну что ты, милая, что? — стал уговаривать её Петрович. — Чего ж ты, глупая, испугалась?

И лошадь постепенно успокоилась, даже от стыда за своё недостойное поведение перед гостями прикрыла глаза.

На узкой дороге развернуться было негде, а задом сдавать Сивка не умела или не хотела — пришлось ждать, пока Вовчик дойдёт своими ногами. Минут через двадцать шаткой походкой появился и сам запалённый танцор и ничком повалился в телегу, не проронив ни слова, будто Витька с Пельменем и Петрович были виноваты в том, что лошадь не стала его ждать, а убежала. Может, она до поры до времени нарочно притворялась, что не умеет бегать, чтобы в один прекрасный момент, когда соберётся побольше народу, и показать свою удаль. А сегодня как раз такой прекрасный момент и наступил, по её мнению. Кто может знать, что у лошади на уме!

5

Лесную сторожку за деревьями было не видно: ехали, ехали, потом повернули с доро-

ги (как ребятам показалось, в самую чашу, где заблудиться для городского жителя ничего не стоило) и неожиданно за кустами, будто по волшебству, появился маленький домик со старой грушей в крошечном огорожке. Срубленный из сосновых брёвен домик, снаружи почерневший от дождей и времени, больше был похож не на жилище такого геройского лесника, как Петрович, а на избушку Бабы Яги, если к ней приделать курьи ножки.

Витька с любопытством поглядел на крышу, надеясь увидеть там жестяного петуха, но, к его удивлению, конёк украшал флюгер, выполненный по-современному — в виде самолёта, у которого на ветру крутились три пропеллера.

Дворик был огорожен жердями, чтобы по нему свободно не разгуливали лоси и кабаны: одни — любители Сивкиного сена, другие — поковыряться в огороде.

— А если медведь придёт? — спросил Витька и сам ответил: — Он все жерди, словно спички, переломает!

— Ну, брат, тут уж ничего не поделаешь, — развёл руками Петрович. — Не буду же я из-за него железный забор городить. Да и не водятся они здесь...

— А если медведь припрётся, — воинственно заявил Пельмень, выставив свой знаменитый живот, — будем отстреливаться!

— Дельный совет, — не стал спорить с ним Петрович.

Витьке, которому доводилось близко видеть зверей только в передвижном зоопарке (где прямо у него на глазах с голоду окодела тощая облезлая лиса), не верилось, что если бы не изгородь, то самые настоящие вольные звери могли бы так близко подходить к дому, что им ничего не стоило бы заглянуть в окно — поинтересоваться, чем там занимается хозяин.

— Дядя Иван, — спросил Витька, желая выяснить взволновавший его вопрос, — а вот другая... мелкая живность, она ведь запросто может проникнуть сквозь такую дырявую ограду?

— Они и проникают, — подтвердил Петрович.

— И что... прямо в окна заглядывают? — Витька вытаращил свои в крапинку глаза и затаил дыхание.

— Бывает, и в окна.

— Вот это да!

— Но больше, конечно, на огород целятся...

— Чтoб чем-нибудь вкусеньким поживиться! — встрял в разговор прожорливый Пельмень. — Уж я-то их знаю!

Витька хотел было Пельменя осадить, чтобы помалкивал, когда разговаривают два уважаемых человека, но тут его осенила одна мысль, и он, хитро поглядывая на этот жиртрест, самым добреньким голосом полюбопытствовал:

— Дядя Иван, и какими способами вы боретесь с их обжорством? Неужели расстреливаете на месте?

Пельмень громко икнул, вздрогнув всем туловищем.

Петрович, не заметив намёка, сказал:

— На этот случай у меня имеется свой метод... бескровный. Но действенный.

И он, сложив губы трубочкой, свистнул, как обычно свистят хозяева, подзывая своих собак. И точно — из конуры, которую за кустами жимолости ребята не сразу разглядели, вылез огромный лохматый пёс и, зевая во всю свою зубастую пасть (Колюнин обострённый слух даже расслышал хруст), с грозным видом двинулся в их сторону.

В этот миг и сам Пельмень, и Витька подумали одинаково: собака нужна для того, чтобы гонять толстяков, пока у них не растрясётся жир. Подтвердил такую версию и Петрович, сказав:

— При виде Чука всякому любителю поживиться сразу становится не до еды. Надо быть вёртким, чтобы успеть от него убежать.

От перспективы быть покусанным Пельмень впал в уныние и стал испуганно озираться, прикидывая, в какую сторону задать стрелкача, чтобы эту здоровенную псину оставить ни с чем. Зато худощавый Витька отнёсся более спокойно, полагая, что как объект для нападения он особого интереса не представляет.

Петрович потрепал по холке подошедшего пса и, указывая на ребят, раздельно сказал:

— Чук, это друзья. Дру-узя. Их надо охранять. Понял? Ох-ра-нять!

Смышлёный пёс звучно клацнул зубами и негромко зарычал, показывая, как будет охранять.

— Может, это самое... не надо нас охранять, — запнулся было Пельмень, не сводя тоскливых глаз с Чука.

Но лесник суровым голосом прервал: — Парни, здесь не город... Здесь лес. И случиться может всякое... Можно ненароком заблудиться, можно угодить в болото, которых тут полно... Наконец, могут напасть и волки, — припугнул он.

Услышав про волков, Пельмень сразу согласился, видно, до него дошло, какую аппетитную закуску он для них представляет.

Витька с минуту поразмыслил, а потом спросил:

— Дядя Иван, а как вот Чук к лосям и кабанам относится?

— А у них нейтралитет.

— Чего у них?

— Нейтралитет. Обоюдное ненападение.

— Ну вы тоже скажете... — хмыкнул Витька.

— А вот слухай! — Лесник присел на одну из оглобель телеги, из которой только что выпряг Сивку, и начал рассказывать: — Жила у меня тут кошка Муся. И вот как-то вышел из леса сохатый, а моя Муся возьми к нему и подойди. Ну, думаю, раздавит её или рогами проткнёт... Хотел уж было для острастки пальнуть вверх... Да смотрю, лось мою кошку обнюхал и... Как уж они там между собой договаривались, я не знаю. Но только с той поры сохатый стал приходить каждый день часов около двенадцати, а Муся заранее выходила на крыльцо и ждала его. Свиданья эти обычно длились недолго — обнюхают они друг друга, Муся потрётся о ноги сохатого, пообщаются несколько минут, и всё. Вот только кошка стала частенько уходить вечерами гулять. А потом и совсем пропала. Видно, увёл её жених. А ты говоришь!

Витька покрутил головой, восхищённый такой крепкой дружбой совсем разных животных, и предположил:

— Наверное, они в свадебное путешествие отправились? Нагуляются и вернуться.

— Ну что ж, — захохотал во всё горло Петрович, — будем ждать.

— А что, законно! — сказал Витька, довольный, что развеселил серьёзного Петровича.

Лесник хлопнул себя по коленям и поднялся:

— Ну что ж, парни, как говорится, делу время, потехе час. Пока отдыхайте, а я с объездом поеду, погляжу, что в моих владениях происходит. Это вам не заграница, где лесок можно за пару часов пешком обойти. У нас дела посерьёзнее... Так-то!

Он прошёл под навес, где у него хранился лошадиный инвентарь, снял со стены потёртое седло и взгромоздил на спину Сивке.

— До вечера, парни! — крикнул Петрович и, нахлёстывая Сивку по бокам, затрусил на ней по лесной тропинке.

Лесник уехал с объездом, и ребята остались одни.

— Пора подкрепиться! — сам себе сказал Пельмень.

Он уселся на сене возле навеса и, покопавшись в рюкзаке, извлёк свёрток с бутербродами, которые незамедлительно стал уплетать.

— Вкуснотиш-ша! — прошамкал набитым ртом Пельмень, и тут его взгляд встретился со взглядом Чука.

Пёс лежал напротив и, положив голову на лапы, внимательно наблюдал за жующим толстяком.

Пельмень икнул, едва не подавившись, и, перестав жевать, тоже уставился не моргая на собаку. Сидеть с раздувшимися щеками было нелегко, потому что скопившейся во рту слюны становилось всё больше и больше, грозя потечь по подбородку, что, несомненно, послужило бы сигналом собаке к гонению обжоры по лесу до полного его истощения.

Чук зевнул, прикрыв глаза, и Пельмень быстро-быстро заработал челюстями. Чук перестал зевать, и Пельмень тоже перестал жевать.

Борьба человека с собакой продолжалась долго: когда собака на секунду переключала своё внимание на что-то другое, человек быстро жевал, не сводя с неё настороженных глаз; как только собака опять устремляла на него грозный взгляд, челюсти человека замирали в застигнутом положении.

Таким неудобным способом Пельмень кое-как всё-таки умудрился дожевать бутерброд и облегчённо вздохнул.

Тут собака встала и ушла.

Пельмень дождался, когда Чук залезет в конуру, и торопливо приложился к полуторалитровой баклажке с молоком, опустошив её почти наполовину. Довольный тем, что ему так ловко удалось обхитрить собаку, Пельмень блаженно растянулся на душистом сене. Через минуту его могучий храп разнёсся далеко окрест, не на шутку перепугав лесных обитате-

лей. На короткое время в лесу наступила тишина. А когда юркий воробей слетал на разведку и доложил об увиденном, лесные обитатели запели с новой силой, радуясь, что это всего-навсего обыкновенный человеческий храп, только очень громкий.

6

Вовчик, испытавший шок от того, что его чуть вне потеряли в лесу, был не в силах перейти спать на душистое сено и остался лежать в телеге. Он только и мог, что постанывать во сне и сучить ногами, видно, всё ещё догонял Сивку.

Только Витька, как настоящий путешественник, привыкший неумоимо преодолевать всякие опасности и трудности, которые всегда подстерегают на пути знаменитых исследователей, не развалился, как остальные, спать, будто они до этого не спали тысячу лет и сюда приехали отсыпаться, а решил исследовать местность на предмет её ознакомления.

Вначале он хотел забраться на самую высокую сосну и сверху всё осмотреть в бинокль, но, прикинув, что из-за разлапистых ветвей обзора не будет, остановился на крыше как на месте, наиболее подходящем для наблюдения. По приставленной к стене лестнице, словно заранее кем-то подготовленной для такого нужного дела, Витька залез на крышу. Но даже оттуда его зоркие глаза, усиленные во сто крат биноклем, видели одни макушки сосен, правда, так близко, что, если протянуть руку, можно было запросто дотронуться, а вот то, что находилось за ними, всё так же оставалось покрыто тайной. Витька, любитель разгадывать всяческие тайны, загорелся желанием разгадать и эту и полез повыше — туда, где крепился флюгер, а заодно уж и его получше рассмотреть. И обязательно бы у него всё получилось, но подвела нога, поскользнувшись в самый ответственный момент, когда Витька почти приблизился к разгадке — оставалось только навести бинокль. А так как Витька не аист, чтобы стоять на одной ноге на самом гребне крыши, то он, сохраняя равновесие, ухватился за флюгер, который его не только не удержал, но и сам сломался. Гремя всеми час-

тиями тела по ребристому шиферу, Витька прокатился по крыше дома, затем по скату и свалился прямо на спящего Пельменя.

Тот со сна подумал, что на него упала печная труба, и перепугался так, что чуть не тронулся умом. Воя толстым голосом, будто паровозный гудок, Пельмень стал носиться по двору, сметая всё на своём пути, не зная, что в таких случаях делают, ведь печные трубы на людей не каждый день падают. Потом у него в голове, наверное, совсем перемкнуло, и он побежал куда глядят глаза. И если бы не умный Чук, который вылез посмотреть, что происходит на вверенной ему территории, и за штанину не притащил обратно проблемного толстяка, Пельмень убежал бы далеко в лес и заблудился. А там его нашли бы голодные волки и съели. Конечно, если бы сами не сошли с ума при виде такой горы мяса.

Вовчик, наученный на собственном горьком опыте не поднимать шума, приподнял голову, поглядел и, уронив её в телегу, задёргался всем телом: то ли опять сон нехороший увидел, то ли от смеха.

Витька сидел на сене и бессмысленно пялился на флюгер в руке. Теперь ему предоставилась отличная возможность рассмотреть его вблизи, да вот что-то желание пропало.

Пельмень пришёл в себя только тогда, когда осознал своими куриными мозгами, что свалилась на него не печная труба, а его закадычный друг Витька. От обиды разгубастившись, Пельмень попенял:

— Ты чего сверху на людей сваливаешься?

— Я не нарочно, — сказал Витька.

— Если бы не нарочно, — резонно заметил Пельмень, — то упал бы в другое место, — и стал вслух размышлять: — А тут получается, как специально целился... Наверное, чтобы упасть помягче?

— Что ж, по-твоему, — возмутился Витька, — я и флюгер специально сломал? — и сунул под нос Пельменю самолёт-бомбардировщик, с покорёженными пропеллерами выглядевший, как будто сбитый в бою.

После этого Пельмень ему поверил. Ясное дело: не станет же нормальный человек специально всё крушить в гостях.

Пельмень подумал и сказал:

— Пускай хоть и не специально. Но всё равно

как-то... неудобно получается. Не успели приехать, а уже ломать всё стали...

— Чего это — всё? — опять взвился Витька.

Пельмень вздрогнул и виновато заморгал:

— Это я просто сказал так... Не сломали... а беспорядок во дворе устроили... То есть не все, конечно, устроили... а я устроил, — скромно признался он и вздохнул.

— А-а, ты про это? — успокоился Витька и хмыкнул. — Это пустяки! В крайнем случае, есть на кого свалить, — он выразительно поглядел на конуру, и Чук грозно зарычал, наверное, услышал, в чём его собираются обвинить. Отчего Витька так заторопился поправиться, что стал заикаться: — Я х-хотел сказать, что убраться — для нас п-пара пустяков. Вот флюгер... — приуныл Витька.

Пельмень, признательный Витьке за то, что он согласился оказать помощь в наведении дворового порядка, тоже проявил участие, указав на телегу:

— Это вот его надо спросить. Эй, учёный!

Из телеги появилась улыбающаяся физиономия Вовчика, словно Диоген из бочки, и отозвалась:

— Чего надо?

— Тут твоя голова требуется.

— Как ускакать от меня на лошади, выходит, большого ума не надо! А теперь, значит, моя голова потребовалась? — заважничал Вовчик-Диоген.

— Мы хотели с тобой посоветоваться, — сказал самым трагическим голосом Витька, и Вовчик снизошёл до их просьбы:

— Чего там ещё?

Он хотел ловко сигануть с телеги, но задел ногой о доску и упал в траву лицом. Тут же испуганно вскочил, выплюнул травинку и с грозным возгласом «Йя-а!» ударил ногой по доске, чтобы в следующий раз знала, как подставлять подножку, и запрыгал на одной ноге, вскрикивая от боли:

— Ой, ой, ой!

Такого глупого поступка от знаменитого учёного Пельмень с Витькой никак не ожидали. От растерянности они сначала чуть не проявили к нему жалость, но потом опомнились и надулись от смеха, став похожими на два варёных рака, но вслух всё-таки не рассмеялись. Вот что значит выдержка!

Даже Вовчик, с подозрением к ним приглядывавшийся, не догадался, почему это они вдруг стали такими красными. Наверное, принял за загар и бодро поинтересовался:

— Так в чём у вас здесь загвоздка?

Витька рассказал про флюгер.

Вовчик выслушал, взял самолёт и, тщательно осмотрев со всех сторон, важно заявил:

— Надо его на место прикрепить!

— Это мы без тебя знаем... — начал было Пельмень, но Вовчик неожиданно озлился: — А раз без меня знаете, то нечего ко мне и приставать! Может, у меня сейчас в голове мыслительный процесс идёт... Может, я стою на пороге великого открытия... А вы тут со своими дурацкими пустяками время у меня только отнимаете!

Витька замахал руками:

— Нет, что ты! Что ты! Мы не знаем, как укреплать... А то разве стали бы тебя отвлекать... Нет, конечно!

Вовчик сразу остыл и сказал:

— Сейчас подумаю!

Он заложил руки за спину, глубокомысленно поднял глаза и стал прохаживаться по двору.

Пельмень с Витькой уважительно притихли, чтобы не мешать мыслительному процессу, а то, если каждый будет всё время отвлекать, так недолго и мозгами свихнуться. Но до свихивания мозгов дело не дошло, потому что Вовчик неосмотрительно наступил на валявшиеся где попало грабли и получил черенком по лбу. Потирая ушибленное место, он в недоумении замер, не соображая, откуда они здесь взялись, потом заорал:

— Надумалось!

Вот так, оказывается, и совершаются все великие открытия!

Достаточно было упасть яблоку на голову Ньютону, чтобы он тотчас открыл закон земного притяжения, а Вовчику — как следует треснуть граблями по башке и набить шишку, чтобы он догадался, как крепить флюгер.

Пельмень с Витькой встрепенулись:

— И как же?

— Черенок нужен, — дал умный совет Вовчик.

— Что-о?

— Черенок, — с удовольствием повторил Вовчик и пояснил: — К черенку крепится флюгер, а

уж потом сам черенок мы прибиваем к дому гвоздями.

— И правда! — обрадовался Витька. — Как это я сам не догадался!

— Тут голова нужна, — заносчиво сказал Вовчик и постучал по своей голове согнутым пальцем.

Черенок в хозяйстве лесника нашёлся быстро. Даже не черенок, а ровненькие жерди, которые были очищены от коры и выглядели гладенькими, будто отполированными. Как раз то, что надо! К тому же две штуки, что совсем уж замечательно: одну сразу в дело, а другую про запас, если первую получится испортить.

Благодаря таким длинным жердям самолёт поднимется гораздо выше, почти под самые облака, где ему и положено летать. Занятый Петрович небось и сам мечтал переделать, да всё как-то руки не доходили. Поэтому он не только не будет ругаться, но ещё и похвалит за смекалку и расторопность.

У ребят даже дух захватило. Они с большим усердием взялись за работу.

Пока Витька выправлял своими умелыми руками покорёженные пропеллеры, Вовчик раздобыл где-то ножовку, но самому попилить не удалось, потому как захапистый Пельмень тут же её отнял со словами:

— Ты будешь долго возиться, а здесь необыкновенная быстрота нужна!

И он со своей безмозглой хваткой быстро отхватил почти половину жерди и, конечно, всё испортил, потому что примерялся на глазок.

— Ты что наделал? — завопил Витька, размахивая отпиленным концом. — Убью!

Пельмень на всякий случай отбежал и оттуда крикнул:

— Не переживай так, ещё одна жердь имеется!

— На тебя никаких жердей не напасёшься, — отозвался Витька и пробурчал: — Пилит... будто тут ему дрова какие-то обыкновенные.

Замерять взялся Вовчик, который к своему поручению отнёсся со всей ответственностью: подобрал щепку, оглядел её, отломил тонкий кончик и, зажмурив левый глаз, стал проводить с ней какие-то замысловатые действия, то отдавая руку, то приближая. После долгих манипуляций со щепкой, когда у Витьки готово было лопнуть терпение, Вовчик отмерил шага-

ми расстояние на жерди и уверенно сказал:

— Здесь надо пилить!

— Точно? — спросил Витька, прищурившись.

— Если я не прав, — патетически воскликнул Вовчик, — можете меня самого распилить на две части!

— Ну, смотри! — предупредил Витька и значительно поводил концом жерди у него под носом: — Чуешь, чем пахнет?

Вовчик, как истинный учёный перед необразованными инквизиторами, стойко перенёс угрозу, только поинтересовался:

— Чем?

— Там узнаешь! — загадочно пообещал Витька и позвал: — Эй, пильщик, иди пилить!

— Брось жердь! — крикнул Пельмень.

— Не бойся, — сказал Витька, не выпуская жердь из рук, — не трону!

Косясь на вооружённого Витьку, Пельмень боком подошёл и торопливо отпилит.

Только удостоверившись, что распил произошёл в полном соответствии с разметкой, Витька расстался с жердью, похвалив Пельменя:

— Молодец!

Пельмень заулыбался всё шире и шире и тут же выразил готовность в дальнейшем сотрудничестве с таким хорошим руководителем.

— Без тебя управимся! — осадил его Витька и приступил к самой ответственной части работы — креплению флюгера на кончик жерди.

Потом, правда, он смилостивился и разрешил поучаствовать в прибывании жерди гвоздями. Для этого обычные гвозди, понятное дело, не годились, а требовались особенные — толстые и длинные. Их случайно обнаружили в сенцах забитыми в пол, где и без того гвоздей хватало, и по всему выходило, что эти пять штук оказались лишними. Пока их вытаскивали да выпрямляли, намучились здорово. Зато жердь с флюгером прибили так крепко, что, даже если захочешь оторвать, ни за что не оторвёшь.

Чтобы полюбоваться на свою работу со стороны, Витька, Пельмень и Вовчик отошли на середину двора, потом вышли за ограду, затем ушли к самому лесу. Отовсюду видно флюгер! Вот что значит сделать всё по-научному, а не абы как!

После этого они уже по-хозяйски убрали во дворе.

А тут и Петрович прискакал на взмыленном коне, как пошутил начитанный Вовчик. Хотя на самом деле Сивка, утомлённая долгим походом, шла, понуро свесив голову, и сразу принялась наедать силу, хватая сено с поспешностью оголодавшего Пельменя. Чтобы побольше уместилось в её животе питательного сена, Петрович расстегнул подпругу и снял седло.

— Ну что, парни, — спросил он, — отдохнули?

— Отдохнули, — вразной ответили ребята.

— Небось, на сене отдыхали?

Витька с Вовчиком промолчали, а Пельмень буркнул:

— Ага!

— Я мальцом тоже любил на сеновале спать, — признался Петрович и, наверное вспомнив свои детские годы, стеснительно улыбнулся. — От разнотравья запах стоит такой... необыкновенный. Бывало, аж голова от него закружится. Красота! Для меня и сейчас дороже этого запаха ничего на свете нет. Духмяный запах... Лечебный.

Друзья стали дружно с шумом вдыхать лечебный запах, чтобы надышаться сразу на целый год, раз уж появилась возможность оздоровиться без всяких лекарств.

Вот, оказывается, почему все лошади любят душистое сено. От этого здоровья в них скапливается столько, что даже мощность в современной технике учёные измеряют в лошадиных силах.

Витька незаметно для всех сунул в рот пучок травы и пожевал. Но сено на вкус оказалось жёстким и горьким, и он, весь скривившись, выплюнул, рассудив, что с него хватит и той силёнки, которая скопится от запаха: всё-таки он не лошадь, чтобы питаться сеном.

Надышавшись лечебным запахом разнотравья, ребята заметно оздоровились: принялись пихаться, многозначительно перемигиваться и, время от времени поглядывая вверх, прыскать в кулак. Конечно, такая активность без последствий не осталась: Петрович вслед за ними задрал голову, долго смотрел, а потом строго спросил:

— Что это?

— Флюгер, — ответили ребята, несколько озадаченные таким неуместным вопросом.

— Я вижу, что флюгер, — сказал Петрович и ехидно сощурил свои глаза. — А на чём это, скажите пожалуйста, он прикреплён?

— На жерди, — пояснил Витька.

— Та-ак... — внушительно сказал Петрович, взглядывая по очереди на ребят. — И кто же это из вас такой сообразительный?

— Все... сообразительные! — гордо ответил Витька, и его лицо расплылось в довольной улыбке.

Петрович задумчиво пожевал губами и со вздохом сказал:

— За заботу, конечно, спасибо. Только я эти самые... жерди... на оглобли приготовил. Почти три месяца их до ума доводил... сушил... Через пару деньков собирался менять...

— Во-он в чём дело! — догадался Витька. — То-то, я смотрю, они такие ровненькие да лёгкие...

Вовчик поправил очки и внёс ясность:

— Ошибочка вышла.

От расстройства Петрович не глядя с размаху сел на тележную оглоблю, и неисправная оглобля, конечно, окончательно ломалась.

— Ёжик кот! — ругнулся лесник.

Витька давно заметил эту особенность: в самый ответственный момент нужная вещь всегда оказывается неисправной или совсем отсутствует под рукой. Хотя до этого работала как часы и своим присутствием успела достаточно намозолить глаза. Например, однажды Витька долго хранил одну штучку, а потом за ненадобностью взял её и выбросил, чтобы зря не занимала место. А на следующий день выяснилось, что она безотлагательно потребовалась в конструкции гоночного автомобиля и без неё обойтись ну никак невозможно. Непрарасно Витька бегал на свалку её разыскивать: такую нужную вещь уже успел кто-то подобрать, наверное, какой-нибудь расторопный пацан, и теперь пользуется ею как своей, смеясь над лопоухим хозяином.

С минуту Витька соображал, как быть с жердями, — не склеишь же их обратно. Потом окинул взглядом росшие у края леса молодые сосенки и объявил:

— Мы вам новые жерди заготовим. Сколько угодно!

— Нет уж, — отказался Петрович, — я как-нибудь сам. Завтра вот с утрачка поеду в дальний квартал... Балуется там кто-то у меня, лесок потихоньку подворовывает. Там и пригляжу... жерди... на оглобли. Кстати, как вы тут одни, управитесь... если я в дальнем заночую? Кое-кому засаду устрою.

— Управимся, — солидно сказал Пельмень. — Чего тут не управиться.

Петрович хмыкнул и покивал:

— Это я не сомневаюсь. Это вы запросто... со своими способностями-то, — он внимательно оглядел смущённых ребят и, неожиданно звучно хлопнув себя по коленям, весело крикнул: — Чего пригорюнились, головы свесили? Сейчас ужинать будем! Да не чем попало, а ухой!

Оказалось, что за делами время пролетело незаметно. Вечерняя заря ещё красила верхушки сосен розовым светом, а внизу уже лёгким туманом мазались летние сумерки.

Петрович распорядился:

— Николай, загатавливай из оставшихся чурок дровишки, Владимир, разводи костёр, а мы с Виктором на реку сходим, сетку проверим.

— Далеко идти? — осведомился Витька.

— До ночи должны вернуться, — прикинул Петрович и, увидев, как у Витьки вытянулось лицо, дальше подшучивать не стал, побоявшись, что он упадёт в обморок, сказал: — Метров триста.

Витька облегчённо протянул:

— А-а!

— Вот тебе и а!

Петрович взял ведро, и они с Витькой отправились за рыбой.

Пельмень, деловито поплевав на свои пухлые ладони, принялся крушить топором ровные чурки, которые от богатырского удара разлетались во все стороны. Вовчик с готовностью подбирал их по всему двору и складывал шалашиком, чтобы побыстрее разгорелся костёр.

Петляя среди деревьев, тропинка вела под уклон. Ещё не видя реки, Витька догадался о её присутствии по знобкому холодку, которым потянуло навстречу. Высокие сосны сменил низкорослый кустарник, затем неширокая полоска луга, и вот уже видны ракиты, свисавшие над тихой

водой. Придерживаясь за ветки, а кое-где и за траву, по крутому спуску подобрались к самой воде. Тишина. Только иногда всплеснёт жирущая рыба да квакнет спросонок лягушка.

Петрович отвязал от коряги прочную леску и неторопливыми движениями начал вытягивать сетку из воды.

Глядя, как бьётся запутавшаяся в ней рыба, негромко сказал:

— Посмотрим, что нам Бог сегодня послал.

Оказалось, что сегодня Бог не пожадничал и послал рыбакам щедрый улов, наверное, для того, чтобы было чем попить ребятам: пяток окунчиков, с десятка плотвичек, три зубастые щучки, пару линьков, язька, налима, такого жирного, что с хвоста аж жир капал, и даже двух здоровенных чёрных раков, похожих на допотопных чудовищ.

Раков Витька отпустил на волю, предварительно как следует рассмотрев, а остальную рыбу поместил в ведро с водой.

Пока Петрович, сидя на корточках, курил, задумчиво поглядывая на водную гладь, Витька в половинку бинокля стал изучать далёкий противоположный берег. Ничего интересного там не наблюдалось, и он перевёл бинокль на Студенец, который широко и величественно нёс свои синие с прозеленью воды. Неожиданно посреди реки Витька разглядел размытое сумерками тёмно-зелёное пятно.

— Дядя Иван, — спросил он, — что это такое?

Петрович не спеша выпустил табачное облако и спокойно ответил:

— Остров.

Витька чуть не выронил бинокль и ещё сильнее вгляделся в размытые очертания, дрожащим голосом повторяя как заклинание:

— Остров, остров, остров...

Выглядел он при этом как городской дурачок Серёня, даже Петрович обеспокоился и спросил:

— С тобой всё в порядке, парень?

— Ещё как! — в восторге заверил Витька и вдруг заволновался: — Дядя Иван, а вот остров... он необитаемый?

Петрович выплюнул сигарету и встал:

— Раз никто не проживает на нём... стало быть, необитаемый.

Захлёбываясь от радости, Витька горячо заговорил:

— Вот здорово! Правда, дядя Иван? Что ж, и названия у него никакого нет?

— Название имеется... Митяев остров.

— И кордон Митяев, и остров Митяев? — поразился Витька. — Это кому же такая слава досталась?

Петрович строго взглянул на него и дрогнувшим голосом сказал:

— Придём домой, паря, и я вам расскажу давнюю историю, связанную с этим островом.

Он подхватил ведро и стал подниматься на высокий берег. Витька последовал за ним. Петрович быстро шагал по тропинке, торопясь вернуться до полной темноты. Витька шёл позади и всё о чём-то думал, а иногда и беседовал сам с собой.

8

Во дворе вовсю полыхал костёр. Возле него на корточках сидели Пельмень с Вовчиком. На каждый непонятный шорох они испуганно поворачивали головы и с настороженностью вглядывались в загустевшую темноту. Со стороны два полуночника были похожи на больших сов, у которых, как известно, головы вертятся на все сто восемьдесят градусов: надоело тебе вперёд смотреть или вбок, можешь очень просто повернуть её назад и поглядеть, что происходит с тыла.

Но оказалось, что сами ребята представляли в своём уме совсем другую картину, потому что, обрадованно вскочив навстречу, они в один голос заявили:

— Дядя Иван, нам ружья нужны!

— Зачем? — оторопел от такого наскока Петрович.

— Чтобы мы были похожи на охотников на привале, — соврали пацаны, скрыв истинную причину вооружения.

— Какие же мы охотники? — удивился Петрович. — Мы рыболовы! И все принадлежности у нас рыбацкие...

Витька в этом интересном разговоре никакого участия не принимал, трезво рассудив, что взрослый человек Петрович в обиду их никому не даст и, если что, сразу сбегает за ружьём...

Вскоре в ведре закипела вода. Душистый за-

пах разваренной рыбы и лаврового листа распространился по всему двору и даже дальше. На пир слетелись какие-то белые мотыльки. Они кружились над ведром и от нетерпения покушать вкусной ухи пикировали вниз, стгорая в огне. В траве всё время кто-то подозрительно шушшал.

— Дядя Иван, — напомнил Витька, — вы обещали об острове рассказать.

— О каком таком острове? — заинтересовались Пельмень с Вовчиком, сразу забыв о своих страхах.

Витька обратил к ним ухмыляющееся лицо и сразил известием:

— О необитаемом.

И с торжеством заметил, как у пацанов отвалились челюсти.

Петрович подозрительно долго возился с ухой: помешал, зачерпнул, подул, попробовал, похрустев недоваренным пшеном, и, посчитав не поспевшей, отложил ложку. Потом долго занимался куревом: вынул из кармана пачку сигарет, заскорюзлыми пальцами вытянул одну, прикурил, испортив несколько спичек, и задумчиво усталился в темноту поверх ребячьих голов, совсем не замечая их присутствия. От его молчаливых действий повеяло холодком отчуждения. Ребята зябко поёжились, несмотря на пышущий жаром костёр.

Витька несмело потянул его за рукав и негромко позвал:

— Дядя Иван!

Петрович перевёл свой взгляд на мальчишек, по очереди вгляделся в застывшие перед ним лица и, качнув головой, сказал:

— Задумался я, парни. Что-то мне всегда в груди жмёт, когда про этот случай вспоминаю... Может, это бль, а может, легенда... Не нам судить. В общем, слушайте... Во время войны появился в наших краях один танкист... Юнец совсем... Говорят, что ему не было ещё и семнадцати. По-военному он числился механиком-водителем... И перегонял откуда-то свой танк. Скорее всего после ремонта... Наверное, в каком-нибудь сражении подбили, вот он и ремонтировался... А уж почему он один в танке оказался... без экипажа... о том я не ведаю и врать не собираюсь. Тут как раз фашисты в наступление пошли. Переправу нача-

ли наводить... от того берега и до острова... А от острова, конечно, досюда... Чтоб, значит, в глубь нашей страны продвинуться... На острове закрепились рота наших солдат... окопы, то, сё. Да где им со своими «трёхлинейками» супротив вооружённого до зубов врага... А у нашего танкиста в танке полный боекомплект... снарядов, стало быть... Закручинился он, что бойцам нашим не может помочь... Да и переправился вместе с танком на остров...

— Как это? — спросил Пельмень, подавшись вперёд. — По воде, что ль?

— Этого я не могу сказать, — пожал плечами Петрович, — может, на понтоне, может, на плоту каком... Об том история умалчивает... Только оказался он на острове... И в одиночку принял сражение... кровавое... Не на жизнь, а на смерть сражался... За вас, ребяню... за матерей ваших, отцов... Крепко он сражался. Несусветное количество polegло в том бою врагов... Но не прошли они... Бежали с позором... потому как не на того напали...

Голос у Петровича дрогнул, он замолчал и принялся с не свойственной ему суетливостью рыться в своих карманах в поисках спичечного коробка. Нашёл, со второй попытки зажёл спичку и поднёс огонёк к погасшей сигарете. Пальцы у него заметно подпрыгивали.

Витька с трудом сглотнул пересохшим горлом и почему-то шёпотом спросил:

— Дядя Иван, а дальше что было?

Петрович несколько раз глубоко затынулся, смял в пальцах окурки и сказал:

— А дальше исчез геройский парень вместе со своим танком.

— Как исчез? — разинули рты мальчишки.

Петрович развёл руками и вздохнул:

— Об этом никто не знает... Только после боя не нашли ни его, ни танк... Вся рота погибла в том неравном кровавом бою... А он исчез... Рассказывают, будто иногда по ночам слышатся с острова крики «ура», выстрелы, рёв одинокого танка... Дурной славой пользуется остров с войны... Никто на него не заглядывает, ни грибники, ни рыболовы... Даже охотники с ружьями и те страшатся на нём бывать... На что я не из пугливых, а как-то боязно становится, когда мимо острова приходится проплывать... Правда, один раз всё-таки бы-

вал там... Из камней пирамидку сложил... навроде обелиска...

— Куда он мог деться? — задумчиво произнёс Витька, к чему-то прислушиваясь. Даже уши у него шевелились.

Петрович помолчал, а потом сказал:

— Старики поговаривают, будто он на небо вместе с танком вознёсся...

Мальчишки быстро подняли головы.

В бездонном ночном небе тихо мерцали далёкие звёзды, крепко храня тайну о геройском танкисте. Вдруг небосвод прочертила яркая звезда и погасла.

— Звезда упала, — сказал Пельмень.

— Не звезда, а метеорит, — поправил его Вовчик, возмущённый столь примитивным объяснением небесного явления.

— Много ты знаешь, — заспорил твердолюбы Пельмень и обратился за поддержкой к Петровичу. — Дядя Иван, правда, звёзды падают?

Петрович, подрывая свой авторитет, просто душно ответил:

— Раньше считали, что это будто бы чья-то жизнь закончилась... А ещё, когда звезда падает, желание загадывали...

Вовчик, чтобы не обидеть отсталого Петровича, промолчал, а Витька, глядя в небо, признался:

— А я загадал желание... Как думаете, сбудется?

— Без всякого сомнения, — заверил его Петрович и пояснил: — Не может такого быть, чтобы желание, загаданное в ночном лесу у костра, да не сбылось.

— И остров я теперь догадался, почему так называется, — сказал Витька и, оглядев всех, торжествующе выпалил: — Потому что того пацана звали Митя. Вот!

Петрович дружески положил руку ему на плечо и сказал:

— А по-нашенски, по-деревенски — Митяй!

Только произнёс он такое необычное имя, как костёр, до этого горевший ровным огнём, полыхнул так, что все отшатнулись, прикрываясь от жары.

А Пельмень, сидевший на корточках ближе всех, опрокинулся на спину и испуганно выкрикнул:

— Что это?

В этот момент от реки донёсся приглушённый

ный расстоянием хлопок, очень похожий на пушечный выстрел.

Все поглядели в ту сторону, хотя за лесом и к тому же ночью увидеть ничего было нельзя, как ни разглядывай.

— Гром это, — сказал Петрович спокойно. — Дождь будет.

Но после того, что он сам тут понарасказывал о геройском танкисте, поверить в такой бред, что это обыкновенный гром, мог только самый распоследний олух, если такой ещё остался на свете.

9

Наутро окончательно выяснилось, что Петрович насчёт дождя... приврал. Никаким дождём и не пахло, даже наоборот: всюду светило солнце, на небе ни единого облачка, хоть бы одно залетело шутки ради, чтобы на неё сослаться.

Но Петрович не смутился от того, что его разоблачили, и оправдался:

— К вечеру соберётся...

И, наверное, от расстройства, что вышло не по его, ускакал на своей Сивке пораньше, строго наказав со двора никуда не отлучаться во избежание неприятностей, которых в незнакомом глухом лесу полно, и несведущему человеку в них нипочём не разобраться: неприятность это или уже приятность.

Ребятам всё это было известно и без его наставлений. Только где он видел пацанов, которые сидели бы на скамеечке, как какие-нибудь пенсионеры, и день-деньской вели неторопливые беседы. Никто из троих, как ни старался припомнить, ничего подобного из своей жизни так и не вспомнил, что, естественно, вызвало у них ликование, и зачесались руки совершить какую-нибудь ловкую проделку. Но неожиданно выяснилось невероятное: специально придумать даже самую захудалую проделку оказалось намного сложнее, чем её исполнить. Они и не подозревали, что раньше это всё как-то само собой получалось.

Мальчишки разбрелись по двору и принялись усиленно придумывать.

Через полчаса бестолкового хождения Вов-

чик с беспокойством ощупал свою голову и сказал:

— У меня голова хорошо работает только в лежачем положении.

Но лечь на сено он поостерёлся, помня трагедию, произошедшую с Пельменем, и ушёл в дом.

Рыжий бельчонок, шустро сновавший в кроне, по-видимому, заинтересовался новыми постояльцами сторожки и спустился на самую нижнюю ветку, а потом и вовсе уселся на ограде.

Пельмень, у которого с собой вечно припасено что-нибудь из съестного, вывернул карманы и, ссыпав на ладонь всевозможные крошки, с вытянутой рукой двинулся к гостю.

Бельчонок от любопытства, чем таким вкусным собирается угостить его толстый мальчишка, принялся бегать по ограде взад-вперёд.

Конечно, Витьке тоже захотелось вблизи рассмотреть лесного обитателя, может, если удастся, даже погладить. Но у него отродясь не водились в карманах крошки, а подкрадываться, обманывая доверчивого зверушку, он посчитал для себя последним делом. Поэтому ему оставалось только с завистью наблюдать, затаив дыхание.

Пельменю до заветной цели оставалась пара шагов, как вдруг на порог выскочил Вовчик и, размахивая руками, истошно завопил:

— Пацаны! Сюда! Скорее!

Его знаменитые очки из панциря морской черепахи чудом удерживались на одной дужке, а волосы торчали во все стороны, будто через них пропустили ток высокого напряжения.

Увидев такое страшилище, бельчонок, конечно, напугался и убежал.

Даже Витька, не ожидавший ничего такого, честно говоря, слегка струсил, отчего сам закричал громче Вовчика:

— Чего орёшь! Бельчонка спугнул! Разорался тут на весь лес! Как дам сейчас по башке!

Но с Вовчиком стряслось, видно, что-то серьёзное, что самым непосредственным образом сказалось на его слухе, потому что он на Витькины угрозы не обратил ни малейшего внимания и голос свой не сбавил.

— Быстрее! Скорее! — орал он как оглашенный и поминутно оглядывался, словно боялся нападения сзади.

Пельмень, раздосадованный тем, что ему не удалось приручить дикого бельчонка, сам проглотил хлебные крошки и побежал вслед за Витькой на выручку хиляку-учёному, решив расправиться с ним немного погодя.

В маленькой горенке, куда они грозной оравой ворвались, Вовчик указал перед собой пальцем и выкрикнул:

— Видели?!

Над комодом висела застеклённая синяя рамка с фотографиями. Среди десятка пожелтевших карточек в самом уголке ютилось крошечное фото губастого паренька в военной форме. Судя по петлицам — танкиста. Фотография, похоже, предназначалась для важного документа, и паренёк, чтобы казаться серьёзным, отчаянно тарачил с неё глаза.

— Митяй! — сказал уверенно Витька, и на улице что-то так оглушающе бабахнуло, что задребезжали стёкла.

— Са-самолёт п-пролетел, — сказал Пельмень, почему-то заикаясь.

Гул удаляющегося самолёта затих, и Витька тихо произнёс: — Ми.., — подождал, прислушиваясь, и так же шёпотом договорил, — ...тяй!

Позади жутко скрипнула кровать, и ребята, вздрогнув, обернулись.

Бельчонок, неизвестно когда проникший в горенку, проскакал по кровати и выскочил в распахнутое окно.

Все радостно захохотали, довольные проделкой шустрого бельчонка, а Вовчик возбуждённо зачастил:

— Да-а... лёг я на кровать, только мозгами пораскинул, почти уже одну интересную штучку придумал... А тут смотрю, фотография, подошёл, гляжу — Ми... в общем, тот самый пацан... Я за вами, а вы там...

— Интересно, а кем он Петровичу приходится? — спросил Пельмень.

Вовчик запнулся и ляпнул:

— Сын!

— Скажи ещё внук! — рассердился Витька. — Это когда было!.. Петровичу теперь должно не менее ста лет исполниться... А столько никто не живёт!

Вовчик в уме быстро подсчитал годы и приуныл:

— Ошибочка вышла.

— Пацаны! — сказал Витька и, заговорщицки оглянувшись, быстро зашептал: — Я ещё вчера надумал, что нам надо обязательно побывать на таком загадочном острове... Всё выяснить... Вообще-то, я сюда затем и приехал, чтобы разные необитаемые острова исследовать... А так даже ещё интереснее получается... Будем исследовать, куда пропал настоящий танк.

— А как мы на этот самый остров попадём? — задал резонный вопрос Пельмень.

— А как на него попал тот пацан? — в свою очередь спросил Витька. — Да ещё и с танком! А он будет потяжелее твоего рюкзака!

Пельмень, кровно обиженный таким сравнением, надулся, но Витька миролюбиво напомнил:

— Ты слышал, вчера Петрович говорил о лодке?

— Слышал, — буркнул Пельмень.

— Вот на ней и поплывём!

— А она где?

— Найдём! — бодро ответил Витька и, желая заручиться поддержкой команды в столь непростом мероприятии, как экспедиция на таинственный остров, предложил проголосовать и первым поднял руку: — Я голосую за то, чтобы немедленно обследовать остров!

Вовчик, который в силу своей учёности просто обязан был изучать всякие не известные науке явления, поддержал его:

— Я голосую за! Потому что мне охота поглядеть на этот остров... и вывести всю эту запутанную историю на чистую воду.

— Я как все, — сказал Пельмень, помолчав, и тоже поднял руку.

Витька обрадовался, что Пельмень не взбунтовался и усмирять такую махину не придётся, уже на правах командира распорядился:

— Значит, так... Сейчас берём с собой самое необходимое... Находим лодку... и плывём на ней на остров на разведку... Пока Петрович будет устраивать засаду своим браконьерам, мы всё быстро разведем и вернёмся. Ясно? Вопросы будут?

— А еду с собой брать? — тотчас задал вопрос Пельмень.

— Ты что, там жить собрался? — зашипел на него Витька. — Не успели поесть, а он опять уже о еде думает... И так вон раздулся... как барабан.

— Барабан, он не раздувается, — задумчиво сказал Вовчик, — барабан, он тугой... Это воздушный шар раздувается.

— Ты что меня учишь! — заорал Витька. — Барабан-карабан! Шар-башар! Дам вот сейчас биноклем по башке... Сразу узнаешь... как вредничать!

Видя, что Витька не на шутку рассердился, Вовчик с Пельменем больше приставать к нему с пустяками не решились и ушли собирать ся в дорогу.

Вскоре отряд в полном походном снаряжении быстро зашагал со двора.

— Петрович придет, а мы уже будем всё знать, — размышлял Витька вслух. — Он похвалится, что поймал браконьеров, а мы ему...

— Вот у нас новость так новость! — подхватил Вовчик. — По сравнению с которой все его браконьеры просто ерунда...

Но не успели они дойти до вчерашней тропинки, чтобы по ней спуститься к реке, как из своей конуры вылез Чук и, устрасаясь скаля зубы, встал на пути.

Витька, возглавлявший экспедицию, резко остановился, на него налетел Вовчик, глаза которого прикрывали поля здоровенной шляпы, и замыкавший шествие Пельмень с ходу врзался в замешкавшихся товарищей. От его тарана Витька пролетел далеко вперед и очутился перед разинутой пастью Чука, который, воспользовавшись такой удачей, мгновенно вцепился в Витькину штанину. Умный пёс, чтобы не покусать гостя, трепал штанину не больно, но достаточно грозно, для того чтобы экспедиция, временно свернув свои исследования, в паническом беспорядке отступила к сторожке, голоса:

— А-а!

Нагоняя ещё больше страха, Чук преследовал троицу огромными прыжками и рычал, будто лев. Загнав ребят в дом, Чук вернулся в свою конуру и улёгся отдохнуть от волнений.

10

Поглядывая в окна, члены несостоявшейся экспедиции стали совещаться.

— Он что... с ума... сошёл? — прерывистым голосом спросил запыхавшийся Пельмень.

— Это он выполняет поручение Петровича, — ответил Витька. — Чтобы мы куда-нибудь не ушли и не заблудились.

— А по-моему, он нас на остров не пускает, — сказал Вовчик, и Пельмень с Витькой прямо остолбенели, услышав такую неожиданную версию.

Через минуту Витька обрёл дар речи и воскликнул:

— Точно! Как это я сам не додумался! — И вдруг пронзительно заорал на Вовчика: — Ты не умничай! У меня тоже голова имеется!

— А я чего? — вздрогнул Вовчик.

— А то я не вижу чего! — шумел Витька.

Вовчик, поднёсший было к своей голове согнутый палец, торопливо его отдёрнул, оправдываясь:

— Это я просто шляпу поправить.

— Шляпу! Шляпу, её рукой поправляют, а не согнутым пальцем!

Вовчик со всех сторон внимательно разглядел свой палец, будто увидел его впервые, и пояснил:

— Это его от занозы скрючило.

И, подтверждая сказанное, принялся с увлечённым видом выковыривать невидимую занозу.

— Теперь нам просто необходимо побывать на этом острове, — остывая, сказал Витька.

— А может, не надо, — засомневался Пельмень.

— Надо! — суровым голосом одёрнул его Витька.

— Конечно, надо! — поддакнул ему и Вовчик, который делал вид, что пытается вытащить невидимую глазу занозу.

Витька покосился на него, но промолчал, а Пельмень, зная Витькин непреклонный характер, со вздохом спросил:

— А как мы со двора уйдём незаметно?

Вовчик перестал без толку расковыривать свой палец и сказал:

— Надо дождаться, когда Чук уснёт.

— Так он тебе и уснул! — не поверил в такую затею Витька.

— Уснёт! — заверил Вовчик. — Только его надо как следует накормить.

— Это правда, — со знанием дела согласился Пельмень. — Меня всегда после еды в сон тянет. Хоть сопротивляйся, хоть не сопротивляйся. Я один раз горячих пончиков объелся и

прямо на ходу уснул... Чуть под машину не попал, — похвалился он.

— Вот! — поучительно потряс выздоровевшим пальцем Вовчик. — Обьестся Чук и уснёт. А если даже и не уснёт, всё равно ему будет лень гоняться за нами по лесу... Мы и убежим.

Витьке пришлось согласиться, что Вовчик, хоть он и приличный зануда, нашёл выход из положения.

— Что ж... — сказал он. — Можно рискнуть... Не сидеть же истуканами до возвращения Петровича...

А Вовчик всю уже суетился вокруг заартачившегося Пельменя, насильно стаскивая с него рюкзак:

— Давай, давай, не жадничай! Потом тебе всё в тысячу раз компенсируется!

Но это заявление никакого впечатления на всегда уступчивого, на всё согласного Пельменя не произвело.

— А ну снимай рюкзак! — с негодованием гаркнул Витька. — Это, между прочим, для общего дела требуется!

Возможно, Пельмень в самом деле проникся душой к общему делу, а может быть, просто решил больше не волновать Витьку, только он хоть и с неохотой, но с рюкзаком расстался, правда, при этом, как маленький, канюча:

— Да-а! А если я с голоду помру?

— Не помрёшь! — безжалостно отрезал Витька. — Ты за счёт своего жира ещё сто лет проживёшь... как медведь!

— Медведь, он только зиму выдерживает, — поправил его Вовчик, любивший во всём точность. — А потом ему опять надо жир наедать.

— Это медведю надо жир наедать каждый год, — заявил Витька, — а Колюне и набранного до конца своей жизни хватит.

Пельмень нахмурился, но промолчал.

Между тем Витька сбегал к конуре и вывалил содержимое рюкзака в собачью миску.

— Огурцы надо было хоть оставить, — проворчал Пельмень, с сожалением глядя, как здоровенная псина расправляется с его харчами. — Собаки их не едят.

Но Чук, видно, был какой-то особой породы (а то какая ещё собака будет так заботиться о гостях, не пуская их на остров) и огурцами занялся в последнюю очередь, наверное, оста-

вив их на десерт. Чук придавил лапами огурец, обнюхал его и смачно захрустел, жмурясь от удовольствия.

Витька с Вовчиком страшно удивились:

— А говоришь, не едят!

Пельмень засопел, как бык, и видно было, что ему очень жаль отданных съестных припасов.

— А чего ж отказываться, — покраснев, проговорил он, — раз сами навязались со своей едой. Он не дурак какой-нибудь...

Чук доел и сытно развалился возле конуры. Вскоре он заснул, изредка вздрагивая во сне треугольником уха.

— Во! — торжествующе поднял палец Вовчик. — Всё, как я говорил! Здорово у меня черепушка работает?!

Но Витька его огорчил:

— Ерунда твоя черепушка! Это надо ещё в действии испытать. Кто пойдёт?

— Я не пойду! — угрюмо отказался Пельмень. — Ишь какие! Я и еду давай, я и испытывай. Больно жирно будет!

— Та-ак! — зловещим голосом протянул Витька и посмотрел на Вовчика.

Но и тот особого желания быть подопытным кроликом не выказал, отчаянно замотав головой:

— Ни! И придумывай им, да ещё и сам иди! Ни!

— Скажите уж, испугались! — презрительно оглядел их Витька. — Слабаки вы, оказывается!

— И никакие мы не слабаки, — стал защищаться Вовчик. — Сам, небось, боишься!

— Бою-усь... — обиделся Витька. — Было б чего...

Он самоуверенно тряхнул нахально торчавшим на затылке, как перо у дикаря, вихром и вышел.

Пока Витька бродил по двору, делая вид, что разыскивает нужную вещь, Чук дремал. Но как только Витька мелкими шагками направился в сторону реки, Чук мгновенно вскочил, и Витька огромными прыжками не хуже австралийского кенгуру помчался к дому.

— Всё понятно! — крикнул он, ворвавшись внутрь. — сторожевых собак держат специально для того, чтобы они сторожили... а не спали, как сони. А то, если они будут спать, воры украдут их вместе с домом, а люди, которых они должны охранять, разбегутся...

— Зря мы только еду ему всю скормили, —

умирающим голосом пожаловался Пельмень, и Вовчик с ним охотно согласился:

— Ошибочка вышла!

— А всё из-за тебя, — обличил его проголодавшийся Пельмень. — Уснёт, уснёт!

Тут как раз вовремя подоспел бельчонок, который опять незаметно проник в дом, и Вовчик, чтобы замаять неприятный для себя разговор, крикнул:

— Держи его!

И хотя секунду назад никто из мальчишек не помышлял ловить вольного жителя лесов, подстёгнутые криком, они вскочили и, толкаясь, принялись гоняться за ним по всему дому.

Когда бельчонку надоела весёлая игра «пятнашки», он между ногами преследователей выскочил в сени, а из сеней в окошко, которое было размером с небольшую рамку, и был таков.

— Загонял! — хрипло сказал Пельмень и бухнулся прямо на пол, вытянув ноги.

Вовчик где-то нашёл окаменелый сухарь и протянул Пельмену:

— Хочешь сухарика?

Тот взял сухарь и начал его быстро, как мышь, грызть.

Витька хмуро уставился на оконце, о чём-то размышляя. Это было единственное окошко, которое выходило не во двор, а на заднюю сторону, где за домом сразу начинался лес. После тщательного осмотра Витька высунул в отверстие голову, с любопытством поглядел в одну сторону, потом в другую и, оставшись удовлетворённым своими исследованиями, втянул голову и торжественно сказал:

— Побег мы совершим через это окно...

Вовчик развеселился:

— Вот Чук удивится, когда узнает, что нас в доме нет. Охранял он, охранял, да всё напрасно. А мы будто испарились.

Пельмень перестал грызть сухарь и закапризничал, как девчонка:

— Я не про-оле-езу!

Витька замерил оконце разведёнными руками, потом поднёс их к Пельмену и сравнил с его толстощёким лицом.

— Пролезешь! — заключил он.

— Ты уверен? — забеспокоился Пельмень, следя глазами за Витькиными манипуляциями.

— Ещё как! — воскликнул Витька и, чтобы Пельмень не успел поправиться, отобрал сухарик.

— Ну ты чего? — заныл Пельмень.

— Молчать! — рявкнул Витька, и Пельмень, смиряясь со своей нелёгкой судьбой, испуганно притих.

Витька ловко, будто всю жизнь только и занимался, что лазил по чужим окнам, выбрался наружу и как змей зашипел:

— Давай быстрее! Ну же!

Пельмень повернул бейсболку козырьком назад, чтобы он не мешал, примерился, словно с ходу собирался проскочить сквозь опасное окно... и пыхтя полез. Однако впопыхах Витька не предусмотрел одну его важную особенность — знаменитый живот, из-за чего Пельмень на полпути навечно застрял в оконном проёме плотно, как пробка в бутылке, и запаниковал:

— Ой, ой!

— Да не ори так! — прикрикнул на него Витька. — Лучше воздух из себя выпусти.

Пельмень тут же послушно исполнил указание опытного командира. Витька услышал, как в сенях Вовчик сиплым трагическим голосом воскликнул:

— Газовая атака! Я умираю!

И хотя Витька имел в виду совсем другое, даже такой необычный способ скоростного похудения несколько не помог Пельмену продвинуться.

Немного отдохнув, Витька вытер набежавшие от смеха слёзы и крикнул Вовчику:

— Ты знаешь, где у Петровича кухонный стол?

— Знаю!

— Погляди, есть ли в ящичке штопор или вилка.

— Зачем?

— Будешь в зад ему колотить!

Пельмень, уже не проявлявший никаких признаков жизни, услышав про колющее орудие, отчаянно задёргался и горько заголосил:

— Не хочу, чтоб в меня штопором тыкали! Не хочу-у!

И при этом, наверное, дрыгал ногами, потому что с той стороны вскрикнул Вовчик:

— Ой, прямо в глаз!

Витька разозлился и, схватив Пельменя за

голову, стал тянуть, время от времени поворачивая её то в одну, то в другую сторону.

— О-то-орвё-ошь! — дурным голосом завыл перепуганный Пельмень.

— Я то ли оторву, то ли нет, — хладнокровно отозвался Витька и зловеще пообещал, — а вот Чук точно отгрызёт твою дурацкую голову, если услышит, как ты тут ноешь.

Угроза Чуком возымела действие, и Пельмень, извиваясь огромным червяком, выполз наружу, придавив Витьку.

Барахтаясь под обмякшей тушей, Витька ругался:

— Гад, хорошо, что Чук всё сожрал... а не ты! А то теперь я был бы не жилец на этом свете!

В оконном проёме показалась подсинённая под глазом страдальческая физиономия Вовчика и озабоченно спросила:

— Ну как?

— А то не видишь! — огрызнулся Витька.

Физиономия исчезла, и из окна в траву вначале упала шляпа, затем сам Вовчик. Бережно вытерев свои очки подолом майки, он небольно пнул в толстый зад Пельменя:

— У-у, инквизитор! Чуть очки мне не разбил своими брыкливыми ногами!

— Сташишь ты его с меня или он так и будет на мне разлёживаться?! — хрипел Витька.

Вовчик торопливо нацепил очки и, с пробуксовкой изо всех сил упираясь в траву ногами, спихнул с него Пельменя.

Витька поднялся и, с хрустом ворочая занемевшей шеей, вольно выдохнул:

— Фу-у!

Вовчик обошёл вокруг Витьки на предмет изучения причинённого ему вреда тяжеловесным Пельменем и, окончательно убедившись в отсутствии у него каких-либо видимых повреждений, успокоил:

— Жить будешь!

— Ты тоже! — радостно ухмыльнулся Витька и принялся разминать свои могучие плечи — замал руками вперёд и назад.

Вовчик потрогал синяк и, как подобает истинному учёному, угрюмо сказал:

— Главное, чтобы это не отразилось на работе нашей экспедиции.

— Верно! — подтвердил Витька и, наупражнявшись, закинул за спину свой рюкзак, где у

него хранилось всё только нужное, и воскликнул:

— Вперёд... за тайной века!

— Куда?... — спросил Пельмень, ещё не опомнившийся от испуга.

— За тайной века! — бодро повторил Витька.

И экспедиция двинулась в путь, взяв направление в самую чашу, чтобы обойти стороной Чука.

11

Солнечные лучи в чашу не проникали, и кроссовки сразу промокли в высокой лесной траве. С деревьев капала роса. К тому же досаждали комары, которые водились здесь в неимоверном количестве и, в отличие от обычных городских, были размером с муху, какие-то рыжие и очень злобные, с громкими грубыми голосами. Своими толстыми жалами они легко прокусывали рубашки и впивались, высасывая кровь. Все только и делали, что молча хлопали комаров, боясь остаться совсем без крови, нужной для жизнедеятельности человека.

Но, несмотря на это, измученная экспедиция упорно продвигалась вперёд, спотыкаясь о кочки, попадая в какие-то ямки, продираясь сквозь непролазные джунгли папоротника.

Трудный обход показался всем таким длинным, что если бы они шли по рельсам, то за это время запросто могли бы дойти до города, а может, и до самой Москвы.

Поэтому, когда члены экспедиции вышли к долгожданной реке, они совсем выбились из сил и тут же на берегу повалились в тёплую, звенящую от кузнечиков траву.

Тем временем Чук с тревогой поднялся, понюхал воздух и, подойдя к сторожке, заглянул в окно, встав на задние лапы. Нехорошая тишина насторожила, и он вошёл внутрь, привычно открыв дверь весом своего тела. Обнаружив в сенях недогрызенный сухарь, Чук обнюхал его и, тяжело выпрыгнув в оконце, огромными скачками понёсся по лесу.

Витька лежал, закинув ноги на свой рюкзак, и поучал:

— Настоящий путешественник на привале всегда ноги на рюкзак кладёт, чтобы они нахо-

дились выше головы... Так усталость быстрее проходит, потому что кровь от них отливается...

Вовчик, собравшись с силами, приподнял ноги, но тут же уронил.

— Тебе хорошо, — уныло ответил он. — У тебя есть на что класть. А как быть с теми, у кого нет с собой рюкзаков?

Но Витьку смутить было трудно, и он тотчас сообщил ему верный способ:

— Надо хорошенько нажечь их крапивой!

— Крапивой ты сам их нажигай! — отказался Вовчик.

— Нашёл дураков! — поддакнул ему Пельмень.

— Мне нажигать не надо, — сказал Витька. — У меня в путешествиях всегда второе дыхание открывается... От этого я могу идти без отдыха... хоть до самой Африки.

Вовчик недоверчиво посмотрел на него и осведомился:

— А чего тогда разлётся?

— Чтобы проверить, как ноги себя чувствуют... Оказалось, просто замечательно! — и приободрившийся Витька поднялся. — Пойду лодку посмотрю... А вы пока сил набирайтесь.

Вовчик с удовольствием закинул ноги на освободившийся рюкзак, а руки за голову и загадочно уставил на Витьку свои увеличенные линзами глаза:

— Иди... Да не торопись... Тщательно всё обследуй...

Витька нашёл место, где они вчера с Петровичем спускались, и полез вниз, хватаясь за траву. Но на середине спуска не удержался и стремительно съехал, чуть не бултыхнувшись в реку, успев в последний момент ухватиться за торчавший из земли корень.

В воде отражалось голубое небо, серебристые брызги рассыпались от играющих рыбок. Под зеленью прибрежных вётел лопушились широкие листья жёлтых кувшинок и белых лилий, трещали слюдяными крыльями пучеглазые стрекозы.

При дневном свете вода в реке оказалась удивительно прозрачной: медленно колыхались водоросли, стайки мальков носились взад-вперёд, поворачивая одновременно, будто по команде, как крошечное войско; песчаное дно было разрисовано замысловатыми узорами тихоходных улиток, торчали перламутровые ракушки.

Витька скинул кроссовки и, засучив брюки, смело вошёл в воду, которая и вправду оказалась студёной от питающих её родников. Умывшись, он побрызгал себе за пазуху.

Освежившись, Витька пошёл вдоль берега, раздвигая низко нависавшие над водой ветви, перелезая через осклизлые толстые корни, ожидая, что вот-вот обнаружит спрятанную лодку. Напрасно пройдя шагов сто, он угрюмо повернул назад, собираясь обследовать другую сторону, как вдруг в просвет между листьями увидел её зелёный бок. Неудивительно, что Витька прошёл мимо: разглядеть среди зелени тоже зелёную лодку было непросто. Но хоть и схитрил Петрович, замаскировав лодку под цвет окружающей среды, Витька его всё же обхитрил, раскусив с первого раза, в какой стороне спрятана лодка. Вот что значит интуиция!

Повеселевший Витька начал карабкаться вверх по откосу, чтобы обрадовать остальных членов экспедиции, которые, очевидно, жаждали, переживая за долгое отсутствие своего командира. Но, поднявшись, он увидел такую картину: весь берег был устлан мокрой одеждой, на воткнутых в землю палочках сушились кроссовки, а сами путешественники, разомлев на солнышке, беззаботно дрыхли кверху животами.

Витька подошёл к дремавшему Вовчику и, толкнув его в бок, дёрнул из-под ног свой рюкзак:

— Вставай, что ли! Не спать шли! Лодку нашёл! Сонный Вовчик потёр глаза:

— Уже... нашёл! Так... быстро? А то... может, это... не она? Так ты иди... ищи. Мы... подождём...

Чтобы Вовчик окончательно проснулся, пришлось сходить к реке и, зачерпнув его кроссовками ледяной воды, окатить Вовчика с головы до ног. От этого он сразу оживился, подскочив, будто спал на раскалённых углях. Растирая своё худосочное тело, покрывшееся синюшной гусиной кожей, Вовчик дрожащим голосом начал выкрикивать:

— Где это видано, чтобы спящего человека водой пугать? А если у меня после этого мозги свихнутся? Неправильно думать начнут? Как я дальше жить стану с такими ненормальными мозгами?

— Ничего с твоими мозгами не случится! — ответил Витька. — От закаливания они только лучше работать будут. Это тебе любой понимающий в этом деле подтвердит.

— Любой! — огрызнулся Вовчик и, чтобы скорее согреться, принялся размахивать руками и брыкаться ногами в разные стороны.

От его криков проснулся Пельмень и, бессмысленно моргая, спросил:

— Чего это с ним?

— Сон плохой увидел, — коротко объяснил Витька.

Пельмень потянулся и, расплываясь в улыбке, похвалился:

— А я хороший сон видел... приключенческий. Вдобавок широкоэкранный, как в кино... А главное — цветной!

— Чего врешь? — не поверил Витька. — Цветные сны не бывают!

— А вот и бывают! — заспорил Пельмень.

Но Витька спешил поскорее попасть на остров и даже к такому очень интересному разговору был не расположен, гаркнув:

— Хватит болтать!

Вовчик замер с поднятой ногой, взглядывая то на разъярённого Витьку, то на перепуганного Пельменя.

— Расположились тут... как цыгане! А кто будет обследовать остров? Я, да? Прямо не путешественники, а... цыганский табор! — и Витька, поджав губы, быстро направился к тому месту, где была припрятана лодка, очевидно, намереваясь пуститься в одиночное плавание.

Пельмень вздрогнул, оглянулся и, увидев Вовчика в дурацкой позе, сорвал на нём обиду:

— Чего стоишь... раскорячился, как циркуль? Будто он тут ни при чём!

И, подхватив в охапку свою одежду, пыхтя как паровоз, на почтительном расстоянии пошёл за Витькой.

На ходу надевая свою громадную шляпу, то и дело роняя одежду, Вовчик побежал за ними.

Витька, не оборачиваясь, спустился к реке и уже оттуда помахал торчавшей наверху команде:

— Давайте сюда!

Пельмень, вытягивая шею, опасливо заглянул вниз:

— Высоко!

Чтобы ускорить процесс схождения с горы нерешительного альпиниста, Витька огляделся, чем бы таким в него запустить. Но Пельмень, не дожидаясь, когда его позорно сшибут, как какого-нибудь воробья с ветки, сам торопливо шагнул вперёд и с шумом обрушился вниз, вырывая с корнями траву и ломая сучья. Хорошо, что спуск при этом оказался очень коротким, не то Пельмень успел бы вырвать с корнями не только траву, но и все деревья, куда могли бы дотянуться его захапистые руки.

— Ух! — сказал он, тяжело дыша и не выпуская из кулака сломанный сучок.

— А ты боялся! — весело поприветствовал его Витька. — Ничего особенного! Лёгкая прогулочка!

Пельмень поднялся и, оглядывая своё исцарапанное тело, затынул:

— Да-а-а... лёгкая... прогу-у-улочка-а.

— Если хочешь знать, — утешил его Витька, — с настоящими путешественниками обязательно так бывает: то на них крокодилы нападают, то львы... Даже удивительно, как они при этом живыми остаются... Да ещё умудряются всякие мировые открытия совершать... Прямо герои!

Пельмень немного повеселел и уже на правах пострадавшей, но не сломленной опасностями героической личности прикрикнул на Вовчика:

— Спускайся, нечего трусить!

Хитроумный Вовчик вначале сбросил вниз свою одежду, чтобы её не растерять по всему склону, как растерял запаниковавший Пельмень, потом уселся на траву, вытянув ноги, и оттолкнулся, воскликнув для подбадривания себя:

— Переход Суворова через Альпы!

Ловко съехав вниз, будто на санках, он отряхнул сзади свои трусы, которые из синих сделались бурыми, и деловито спросил:

— Где наша лодка?

Как будто Витька обязан был разыскать лодку и посадить его со всеми почестями. Тоже принц нашёлся!

И Витька предложил:

— А вы попробуйте её найти!

Пельмень разглядел лодку первым и начал хихикать над Вовчиком, который растерянно вертел своей огромной инопланетной головой с глазами-блюдцами. Он хихикал всё сильнее, тряся, потом схватился за живот:

— Вот умора!

— Чего смеёшься, как дурачок? — с обидой спросил Вовчик.

— Как же мне не смеяться? — удивился Пельмень. — Четыре глаза, а лодку найти не можешь.

Наконец Витька сжалился и указал пальцем в просвет между листьями:

— Эх ты! Вот же она!

— В таком месте её никто не заметит, — тотчас оправдался Вовчик, на что Пельмень горделиво возразил: — Я же заметил!

Видя, что слава первооткрывателя незаслуженно присваивается упрямым и невежественным Пельменем, Витька быстро сказал:

— Хватит болтать! А то с вашими дурацкими спорами мы и до вечера на остров не попадём. А там явится Петрович и за самовольный уход со двора посадит нас под замок до возвращения Колюниного отца. Ох, и до-о-останется тогда тебе, — ядовито заметил он.

С Пельменя вмиг слетела вся его бравада, и он тоскливо затыкнул:

— А при чём здесь я-то?

— А при том, — с удовольствием принялся объяснять ему Вовчик, отыгрываясь за учинённую над собой насмешку. — Тебя как сына он может наказать каким угодно способом... Хоть в угол поставить, хоть треснуть по башке чем-нибудь, чтобы поумнел... и самовольно по лесу не гонялся, как какой-нибудь леший. А нас наказывать он не имеет права. Сказать почему? Потому что мы ему даже не родственники! Вот!

Пельмень торопливо обернулся, будто на берегу его и вправду подстерегал отец со здоровенным дрынком в руках, чтобы хорошенько поучить своего легкомысленного сынка уму-разуму. Но, самолично убедившись в отсутствии угрозы, Пельмень пренебрежительно махнул рукой:

— Когда это ещё будет!

— Но ведь будет! — ликовал Вовчик.

— А если мы рассекретим тайну, может, и ничего не будет, — неуверенно возразил Пельмень и, помолчав, мечтательно добавил: — Может, ещё и торт купит... чтобы отпраздновать...

— Ага, жди!.. — продолжал ликовать Вовчик. — Так он тебе и купил! Прямо испокупался весь!.. — и, перекосив лицо, гнусава затыкнул: — Сыночек... дорогой... открой ротик пошире... Я тебе в него тор... пельмешек положу...

— Постой!.. Ты... ты чего? — растерялся Пельмень.

Чтобы прекратить вредный для дисциплины спор, Витька рассудительно сказал:

— Наше дело — разгадать тайну! А за награды трудятся только одни карьеристы... Настоящие герои, они никогда о наградах не думают... У них дела и поважнее имеются.

По искривлённым стволам вётел, прогнувшихся до самой воды, малочисленный Витькин отряд перебрался в лодку, где каждый занял место в соответствии с личными заслугами: Витька на правах командира разместился на носу, Пельмень, как самый сильный в команде, — за вёслами, а Вовчику как учёному с мировым именем полагалось примечать всё необычное вокруг и докладывать командиру.

И они отправились в плавание.

Вовчик сразу же развалился на корме загора, позабыв о своих обязанностях.

Пельмень, выпятив грудь и напрягая мускулы, принялся неумело грести, с шумом обрушивая вёсла и поднимая фонтаны брызг. Оттого что при этом он любовно оглядывал себя, будто прикидывая, в каких местах следует подкачать мышцы, лодка плыла, виляя по сторонам.

Пришлось Витьке, который едва не свалился в реку и не утонул в самом начале путешествия, пихнуть Пельменя в загривок, чтобы лучше грёб.

Когда железный порядок был восстановлен и лодка легко заскользила по водному раздолью, сверкавшему на солнце, Витька поудобнее устроился на носу и в половинку бинокля принялся изучать приближавшийся остров.

Сразу было видно, что этот остров необитаемый, потому что выглядел он страшно запу-

шенным: весь зарос кустами, папоротниками, высокими деревьями, сплошь оплетёнными хмелем, как лианами. Из высоких обрывистых берегов торчали толстые корни, похожие на шупальца морских чудовищ. Вода возле берега была чёрной, и в ней как в зеркале отражался густой таинственный лес, стоявший непроходимой стеной на пути всяких самозванцев. Даже у несведущего человека остров вызывал беспричинный страх и беспокойство.

— Пацаны! — вдруг заорал Пельмень оглушительным петушиным голосом, и Витька, крупно вздрогнув, обернулся. — Глядите!

На берегу метался Чук, видно, раздумывая над своим безвыходным положением: возвращаться без гостей — значит потерять прежнее доверие хозяина, но и плыть за беглецами, когда они почти достигли острова, не хватит никаких собачьих сил. И опозоренный пёс, сев на задние лапы, от тоски по-волчьи завыл, задрал морду:

— У-у-у!

— Переживает, что нас упустил, — сказал Витька, и Вовчик с ним согласился: — Здорово мы его перехитрили!

— А нечего было чужую еду лопать! — злорадно выкрикнул Пельмень и в порыве чувств, бросив вёсла, исполнил первобытный ритуальный боевой танец, что при его комплекции ни в коем случае делать не полагалось.

От мстительного кривлянья обжоры шаткая лодка накренилась и зачерпнула бортом. Все трое дружно бросились к противоположной стороне, и лодка зачерпнула уже другим бортом. Чтобы придать ей устойчивое положение, мореплаватели судорожно заматались, отчего кораблекрушение стало делом предрешённым: основательно раскачавшаяся лодка наполнилась до краёв водой и пошла ко дну, унося с собой в чёрную бездну всю команду.

— Ну, жиртрест! — успел напоследок крикнуть тонущий Витька.

В воде он открыл глаза и нос к носу встретился с другим лицом: не мигая, на него смотрели огромные выпученные глаза, медленно шевелился губастый рот, втолковывая что-то новоявленному утопленнику. Хоть и выглядел силуэт водяного жителя расплывчатым, Витька сумел разглядеть у него хвост. Перепугав-

шись, что его уволочут на дно, Витька, быстро работая ногами, вынырнул и что есть мочи завопил:

— Русалка-а!

Рядом отчаянно молотил руками Вовчик. Его знаменитые очки из черепахи были в брызгах. Потеряв ориентир, он бессмысленно кружил на одном месте, высоко задирая голову.

Не в правилах Витьки было оставлять в беде любого человека, а уж товарища тем более. Глотая пресную воду, он стал подталкивать обессиленного Вовчика к берегу, время от времени с силой дрыгая ногами, чтобы отпугнуть русалку, если она надумает всё-таки на него напасть.

От бабушки Витька наслышан был о скверных привычках русалок утаскивать на дно красивых парней и женить их на себе. А ему думать о женитьбе было ещё рановато. Хотя, если признаться честно, интересно занять жену-русалку... и ещё одну на берегу, например, свою старую знакомую Люську Кукушкину. Надоело жить в доме — пошел, пожил в воде. А там, глядишь, и с другими водяными жителями познакомишься, всякими разными водяными, каракатицами, кикиморами... С одним сказочным существом он уже познакомился — Бабасей.

Витька, покачиваясь, выволок безвольное тело Вовчика на берег.

У кромки воды лежал сам виновник кораблекрушения — Пельмень и тяжело вздымал своими боками. Он был похож на кита, выброшенного на берег во время шторма.

Витька упал на колени и принялся делать Вовчику искусственное дыхание, как учили в школе на уроках основ безопасности жизнедеятельности. После непродолжительных манипуляций здорово нахлебавшегося Вовчика вывернуло наружу зелёной жидкостью.

Убедившись, что он ожил и больше умирать не собирается, Витька, обняв свои исцарапанные колени, скрючился на песке, уныло поглядывая на качавшуюся на волнах шляпу.

13

Чук уловил исходящий откуда-то из-под берега знакомый запах и перестал выть. С шумом втягивая воздух, он двинулся в сторону запаха. У воды валялись забытые Витькой кроссовки. Осторожно прихватив их зубами, Чук мощными скачками помчался по тропинке. Положив кроссовки на порог сторожки, он неподвижно уселся возле них для охраны.

Пельмень, не открывая глаз, ощупал себя всего. Не найдя никаких серьёзных повреждений, он открыл вначале один глаз, затем другой.

Над ним, будто опахала, покачивались ветки, сквозь которые просвечивало солнце.

Пельмень приподнялся и, увидев сидящего в одиночестве Витьку, подполз на коленях.

Зашевелился Вовчик.

— Хорошо, что очки не утонули, — сказал он слабым голосом. — А то совсем бы ничего не видел, — и он для наглядности пошарил перед собой руками, будто слепой инвалид.

— Очки — ладно, — вяло отозвался Витька. — Хорошо, что сам не утонул.

На то Вовчик и слыл выдающейся учёной личностью, что всегда мог дать дельный совет. Вот и сейчас он очень умно рассудил:

— Если бы я утонул, на кой мне тогда очки.

Ребята немного посидели молча, предаваясь горестным мыслям. Когда совсем стало невмоготу, принялись горевать вслух.

— Нет у нас лодки... — печально сказал Пельмень, — теперь мы никогда назад не вернёмся... И никто нас здесь не найдёт... во веки веков...

Витька подумал и решил:

— Вернёмся... Плот свяжем и вернёмся...

— Чем свяжем? — спросил Пельмень. — Всё у нас утонуло.

— Чем-нибудь, — пожал плечами Витька. — Может, лианами или ещё чем...

Пельмень до того сильно расстроился, что у него даже слёзы на глазах навернулись и голос задрожал, как у маленького или у девчонки:

— Все мы умрём на этом заколдованном острове... Все...

— А всё из-за тебя! — вдруг вскрикнул Вовчик и, навалившись на Пельменя, стал душить.

— Вы чего? — опешил Витька.

— Из-за тебя-я всё-о! — на одной ноте тянул Вовчик, всё сильнее смыкая пальцы.

Пельмень настолько был перепуган агрессивным поведением миролюбивого Вовчика, что в первый момент отпора не оказал, только хрипел, синевя лицом:

— Сду... хр-хр-хр... рел... хр-хр-хр...

Потом до его начавшегося мутнеть сознания, очевидно, дошло, что ему осталось жить всего ничего, он из последних сил поднатужился и перевернулся, став на карачки.

Вовчик злился всё сильнее, сел верхом на Пельменя и принялся яростно тыкать его носом в песок, приговаривая:

— Ешь, гад... ешь...

Упираясь руками в землю, Пельмень мотал головой и взбрыкивал ногами:

— Убью, Диоген проклятый...

Наконец он вывернулся, и они, обнявшись крепче сиамских близнецов, стали кататься по песку.

Витька попробовал их растащить, но хилый Вовчик до того осерчал, что оторвать его от Пельменя у Витьки не хватило сил. Вовчик только вытягивался и сжимался, как пиявка, когда Витька тянул его за ноги.

— Ах, так! — закричал Витька, быстро огляделся и, вырвав прямо с корнем куст крапивы, стал хлестать их по оголённым местам. — Вот вам! Вот!..

А так как места у них были все оголены, если не считать суконных трусов, то расцепились непримиримые враги быстро. Отбежав на безопасное расстояние, они принялись чесаться не хуже завшивевших обезьянок в передвижном зоопарке, отплёвываясь песком и злобно выкрикивая:

— Ты что, дурак, да?..

— Самого бы тебя крапивой!..

— Догадался... крапивой!..

— Ты бы ещё камнем стукнул по голове!..

Витька не стал отрицать и такой поворот событий, пообещав:

— Успею ещё стукнуть!

— Успеет он, — буркнул Пельмень, на всякий случай сбавив тон.

— А то ишь ты, взяли моду, — грозно тряс разлохмаченной крапивой Витька. — Не успели попасть на необитаемый остров, а уже на-

чали выяснять отношения... А настоящие путешественники, если хотите знать, всегда друг другу помогают. Слабаки вы, а никакие не путешественники! — заключил Витька и, размахнувшись, далеко в воду зашвырнул крапивный куст. Глядя, как он мгновенно утонул, будто кто-то невидимый утянул на дно, вспомнил: — Чем драться, лучше повнимательнее будьте... Сдаётся мне, что тут полно русалок...

— Каких русалок? — быстро заинтересовался Вовчик и даже чесаться перестал.

— Не знаешь, какие русалки бывают?

— Знаю... — кивнул Вовчик. — А ты что видел?

Витька рассказал про случай в воде и предупредил:

— Поэтому к реке не подходите... уташат.

Вовчик, который зарёкся до конца своей жизни купаться и вообще даже близко подходить к любому водоёму, молча, мелкими шажками приблизился к реке и, вытягивая шею, стал заглядывать в зеленоватую воду, стараясь разглядеть там кишащих русалок. Конечно, всякому охота настоящую русалку увидеть! Спасибо Витьке, что предупредил, а то так никогда бы и не увидел живую русалку.

— Это не русалка была, — определил Пельмень. — Это был сом. Мне отец рассказывал, что здесь огромные сомы водятся.

— Что я, сомов ни разу не видел? — возразил бывалый Витька. — Говорю тебе — русалка!

— Сом! — начал препираться Пельмень.

— А я говорю — русалка!

— Сом!

Витька спохватился, что на его шее отсутствует бинокль, и, ехидно сощурился в крапинку глаза, поинтересовался:

— Может, скажешь, что и бинокль с меня сорвал сом?

На это посрамлённый Пельмень не нашёлся что ответить и промолчал.

— То-то же, — самодовольно ухмыльнулся Витька.

— Только...

Заметив, что упрямый Пельмень уступать совсем не собирается, Витька быстро сказал:

— Даже лучше, что у нас лодка утонула. А то нам самим пришлось бы её топить!

— Зачем... это... её... топить? — слабым голосом, икая от изумления, спросил Вовчик.

— А затем, — с удовольствием объяснил Витька, — чтобы всё было по-настоящему. Это только после кораблекрушения люди всегда оказываются на необитаемых островах. А какое же это кораблекрушение, когда у нас лодка была бы целая?.. Обман один... А теперь всё не понарошку, теперь всё по-правдашнему, — вздохнул он счастливо. — И жить нам придётся на этом необитаемом острове до тех пор, пока нас не подберёт проплывающий мимо корабль... Какой-нибудь «Летучий Голландец».

— Откуда тут «Летучий Голландец»? — завертел головой Вовчик. — Сроду они тут не водились.

Витька состроил скорбную мину и ответил:

— Значит, жить нам здесь до самой старости... как Робинзон Крузо.

— Робинзон Крузо всё-таки в конце концов жив остался, — сказал Вовчик, — и вернулся домой. Поэтому он и знаменитым стал, что все люди в мире о нём узнали...

— О нас люди тоже узнают, — заносчиво сообщил Витька. — Лет этак через сто... Когда в дебрях этого таинственного острова обнаружат наши обветренные, омытые проливными дождями, прокалённые тропическим солнцем... скелеты.

— А г-говорил, что п-плот свяжем?.. — плачущим голосом напомнил Пельмень, вмиг позабыв про свою дурацкую привычку спорить.

Витька оглядел его с головы до ног и успокоил:

— Ты, Колюня, сильно не расстраивайся... Тебе больше всех повезёт... Потому как долго мучиться не придётся... Первый умрёшь с голодухи...

У Пельменя задрожали губы, и одинокая слеза скатилась по его пухлой щеке:

— Смеёшься, да?

— Смеху тут мало, — сказал Витька. — Но ты не бойся. Я сделаю всё, чтобы ни один член нашей экспедиции просто так не умер. А поэтому рассусоливать тут нечего. Вначале надо разведать остров... А потом будем обустриваться, как Робинзон Крузо... Хижину из лиан плести, пальмовыми листьями крыть... На целый день дел хватит. До ночи бы управиться.

Мальчишки оглянулись по сторонам.

Вблизи остров выглядел совсем жутко: колочие кусты так густо разрослись, что казалось, туда и нос не просунуть. В тени огромных, выше человеческого роста, папоротников в сырости ползали какие-то мерзкие существа. Кривые деревья были такими толстыми, что, если даже взяться всем за руки, всё равно не обхватить, и лет им было, наверное, триста или ещё больше. Кругом густая неприютная трава по пояс, словно в прериях, и тишина — настороженная и чуткая до звона в ушах, будто находишься не в лесу, а в могильном склепе.

Вовчик, проявив малодушие, передёрнул плечами:

— Бр-р-р!

— Что за важность! — мужественно сказал Витька и, показывая подчинённым пример отваги и стойкости, решительно и смело зашагал в глубь острова, хоть и сильно боялся.

Но Пельмень с Вовчиком не поспешили тронуться с места, словно ещё на что-то надеялись. Однако чуда не случилось, и они, в последний раз окинув тоскливым взглядом противоположный берег, заторопились за бесстрашным командиром, спотыкаясь и поминутно оглядываясь.

— Значит, так... — на ходу давал указания Витька. — Сейчас первым делом обходим остров... Маршрут такой... вдоль берега!.. Один наблюдает налево, другой — направо, как заметите что-нибудь подозрительное, докладывайте мне...

— А что считать подозрительным? — спросил Пельмень.

— Всё, что подозрительное... то и считать подозрительным, — суровым голосом ответил Витька.

Даже учёный Вовчик растерялся:

— Как это?

— А так! — заорал командир. — Чем болтать, лучше вон смотрите внимательнее!

— А я что... — начал Вовчик, всмотрелся в воду и воскликнул: — Вон что-то подозрительное зеленеется!

— Где? — заинтересовался Витька.

— Вон... между лопухами... Возле лопуха...

— «Возле лопуха», — передразнил Витька и вдруг обрадованно вскрикнул: — Да это же мой рюкзак!

Зацепившись за корягу, рюкзак, как предполагалось, не утонул, а преспокойно дожидался, когда его найдут.

— Что бы вы делали без меня?! — загордился Вовчик, выпячивая свою квёлую, как у цыплёнка, грудь.

Рюкзак со всеми необходимыми в любом путешествии вещами нашёлся своевременно, и повеселевший Витька сказал:

— Объявляю тебе благодарность за бдительность.

Вовчик подумал и бодро ответил:

— Я такой!

— Может, ещё что найдём? — разохотился Пельмень и безо всякой команды полез в воду, в то же время шаря глазами по сторонам.

— Поаккуратней там! — успел предупредить Витька, переживая, что неуклюжий Пельмень утонет сам и утопит рюкзак.

— Не учи учё... — Пельмень с головой ухнул в воду, потянувшись за рюкзаком. Тотчас вынырнул, отфыркиваясь, как лошадь, и с вытаращенными от испуга глазами с шумом полез из воды. Придерживаясь за коряги, выбрался на берег и упал, в последнем рывке кинув к ногам Витьки рюкзак, как противотанковую гранату.

Вовчик, ревностно следивший за его геройским поступком, язвительно поинтересовался:

— Ничего больше не нашёл?

Над травой вяло поднялась рука, показала кукиш и упала.

— А нечего было лодку топить, — удовлетворенно заметил Вовчик.

14

Витька вытряхнул содержимое рюкзака и, присев на корточки, начал перебирать предметы, исследуя их на пригодность.

С капроновой верёвкой, понятное дело, от воды ничего не случилось, от этого она даже стала прочнее. Компас, наоборот, был устроен таким образом, что вода в него не попадала, а фонариком вообще можно было светить где угодно — хоть в воде, хоть в космосе. Правда, складной ножичек, чтобы не заржавели лезвия и другие мелкие приспособления, пришлось разложить для просушки.

Особую ценность представляли спички. Их бывалый Витька упаковал в такую резиновую штучку, которую в медицине используют для надевания на палец, чтобы не потревожить ранку, когда занимаешься домашними делами. А для верности поместил ещё и в отцовский портсигар, который валялся у него безо всякой пользы, потому что отец давно уже не курил, а вёл здоровый образ жизни, бегая иногда по утрам в парке от нечего делать. Пробовал он к спорту приучить и Витьку, да всё как-то неудачно. Ведь, в отличие от отца, у сына дел всегда хватало и на такие пустяки времени совсем не оставалось.

— Живём, пацаны! — во всё горло заорал Витька и, подпрыгнув от радости, высоко вскинул руку с портсигаром.

Портсигар блестел на солнце как яркая путеводная звезда для заплутавшихся путников, суля им скорое возвращение в родную сторонку.

Пельмень приподнял голову, посмотрел и, улыбаясь во всё своё широкое лицо, пошёл к Витьке.

— Шик, блеск, тра-ля-ля! — запел Вовчик и, вскидывая ноги, захлопал по голым пяткам ладонями. — От так! От так!

Неожиданно огромная чёрная тень накрыла мальчишек и с леденящим кровью криком «Курлы!» вырвала из рук Витьки портсигар.

Пельмень носом упал в траву и засучил ноги, пытаясь закопаться. Вовчик резко присел, спрятав голову между коленями, будто черепаха в панцирь.

От мощного удара Витька не устоял и опрокинулся на спину, успев заметить чёрную птицу, уносящую в когтях портсигар со спичками. Через несколько секунд злобный силуэт растворился в воздухе, и только портсигар продолжал блестеть на солнце, слепя глаза даже на таком расстоянии.

Когда шум крыльев удалился, Пельмень проглянул между травинками одним глазом и спросил:

— Что это было?

— Смерть наша! — резко ответил Витька, досадуя, что так глупо проворонил спички.

— К-какая с-смерть? — запинаясь, переспросил Пельмень.

— Птичья!

Вовчик из-под ладони поглядел в ту сторону, куда улетела злобная птица, и, помолчав, сказал:

— Хорошо, что тебя самого не унесла! Вон она какая огромная... как самолёт!

— Да-а... — глубокомысленно заметил Пельмень. — Ищи-свищи тебя потом...

— Какая разница, кого искать... — скривил рот Витька, — меня или спички?

— Разница большая, — начал философствовать Вовчик. — Спичками она пользоваться не умеет? Не умеет. Значит, они останутся в сохранности, пока мы их не найдём. А вот тебя она за это время запросто могла съесть... Или скормить своим птенцам... При таком размере они у неё знаешь теперь какие прожорливые... Корову зараз сожрут, не то что тебя... А если бы тобой не насытилась, то прилетела бы за нами...

Пельмень быстро осмотрелся и, вломившись в чашу, выволок оттуда сучковатую дубинку — самому Илье Муромцу впору. Ахнув ею об землю, грозно сказал:

— Только пусть попробует!

Вовчик одним пальчиком почтительно потрогал дубинку и сказал:

— Главное, чтобы придурковатая птица тебя вместе с ней не унесла.

— Не унесёт, — заверил его Пельмень.

Витька хитро на них поглядел, сломал молодую сосенку, обрезал ветки и к получившейся палке привязал складной ножичек, оставив раскрытым самое большое лезвие, и вышло копьё.

— Это уже кое-что, — сказал он, утрашающе потрясая самодельным оружием.

Вовчик, оставшись один невооружённый, захлопал глазами:

— А как же я?

Витька на минуту задумался, потом торжественно сказал:

— Тебе мы смастерим лассо. Будешь как ковбой... или индеец.

Он размотал капроновую верёвку, ловко связал петлю и вручил Вовчику:

— Самое по тебе... Оружие лёгкое, но, тем не менее, опасное.

Вовчик примерился и для пробы накиннул

лассо на Пельменя, притянув ему руки вместе с его грозной дубиной к туловищу.

— Ты чего? — задёргался связанный Пельмень. — Дам вот сейчас дубиной!.. Будешь знать!

Оставшись довольный испытаниями, Вовчик освободил Пельменя со словами:

— Твоя дубина против моего лассо ничто!

За дубину Пельмень обиделся сильнее, чем за себя:

— Может, попробуем побороться?

— Пробовали уже!

— Это было нечестно!

— Чем нечестно? Чем?

— Потому что неожиданно!.. Я даже ничего сообразить не успел!

— А ты что думал? — изумился Вовчик. — Я буду врага предупреждать, когда на него лассо накидывать стану? Силён!

— Так то врага, — не сдавался Пельмень. — А я тебе не враг!

— Ну и не спорь тогда!

— Я не спорю!

— Нет, споришь!

— Не спорю!

— Споришь! — закричал Вовчик. — А должен гордиться!

— Чем гордиться? — спросил Пельмень для уточнения. — Чем?

— Тем, что я на тебе первом лассо испытал! Вот чем!

От такой наглости Пельмень совсем сбесился. Размахивая дубиной у самого носа Вовчика, сердито выкрикнул:

— Я же на тебе не испытываю свою дубину! А если бы испытал, тебе бы давно уже каюк настал! Потому что ты хиляк!

— А ты обжора, каких свет не видывал! — в сердцах сгоряча унизил его Вовчик, обвинив в пристрастии к еде.

Витька слушал, слушал да как заорёт, приседая, чтобы выходило громче:

— Устроили тут опять балаган!.. Не путешественники, а прям... бабы на базаре!.. Спички надо спасать, а не ругаться! Вот вступим в сражение с диковинной птицей, тогда и узнаем, у кого оружие самое полезное!.. А сейчас чего зря спорить?.. Ясно вам? Ясно вам, спрашиваю, или нет?

Понимая, что доводить Витьку до зла опасно, Пельмень с Вовчиком, не глядя друг на друга, торопливо закивали.

— А то я вас быстро помирю! — пригрозил Витька. — Вот этим копьём, — он внушительно потряс самодельным оружием возле толстых щёк Пельменя и кровожадно поинтересовался: — Хочешь копьём в пупок?

— Н-нет! — вздрогнул Пельмень.

— А ты? — Витька навёл копьё на Вовчика.

— Что ты! Что ты! — замахал тот руками и, как маленький, пообещал: — Мы больше не будем!

— Ладно уж, живите, — великодушно разрешил Витька и, видимо решив, что предварительных разъяснений дано достаточно, приступил к делу. — Значит, так... Сейчас мы идём по следу этой самой птицы... и отнимаем у неё наш портсигар со спичками... А то ишь ты, взяла моду — у пацанов спички отбирать!.. Я ей покажу, как с нами связываться!

Вовчик, словно примерный ученик, поднял руку и осторожно спросил:

— Как это по следу?.. Она же птица!

— Ты чего к словам придираешься?! — завопил Витька. — А то я не знаю, что следы только у зверей бывают! Я имел в виду, что мы пойдем в ту сторону, куда она улетела!

— Не будет же она, как заяц, следы петлять... — поддакнул ему Пельмень, добиваясь благосклонности командира.

— Тогда конечно! — согласился Вовчик.

Витька определил направление маршрута по компасу, и они с Вовчиком быстро скрылись в лесу, будто их тут и не было.

Замешкавшийся Пельмень поднатужился, взвалил на плечо дубину и, топая, как слон, побежал догонять.

15

С выставленным перед собой копьём Витька двигался впереди отряда, стараясь ступать бесшумно, как настоящий следопыт, про которого описывалось в книге Фенимора Купера, которая так и называлась — «Следопыт». За ним след в след шёл Вовчик, держа наготове лассо и прислушиваясь ко всяким непонят-

ным шорохам. Позади тяжело топал Пельмень с дубинкой на плече, как древний человек — неандерталец.

Продираться сквозь непролазную чащу было очень тяжело, и первым выдохся Пельмень, что совсем неудивительно — попробуй потаскай на себе такую махину размером с небольшое бревно.

Очутившись на крошечной полянке, Пельмень сбросил дубинку с плеча и хлопнулся под дерево.

— Давайте передохнём...

Витьке тоже хотелось отдохнуть, но, поддерживая свой авторитет, он недовольно заметил:

— Так мы и до вечера не доберёмся.

— Доберёмся, — скучным голосом сказал Пельмень и, сложив руки на животе, как покойник, прикрыл глаза, то ли засыпая, то ли готовясь умереть.

— Передохнём и дальше пойдём, — промямлил Вовчик, поддерживая его.

От духоты и усталости у слабосильного Вовчика даже ноги стали заметно заплетаться и безвольно опустились руки. От этого он сам попался в своё лассо, запутавшись в нём, как муха в паутине. И если бы не своевременное предложение Пельменя об отдыхе, то, возможно, так и потерялся бы в лесу насовсем, потому что распутаться без посторонней помощи не сумел бы.

Витька был человек сговорчивый:

— Ладно! Так уж и быть!

Но беспечно не развалился, как они, а присел на одно колено, чтобы в случае опасности успеть вскочить. Крепко сжимая древко копья, он стал зорко всматриваться в густое сплетение ветвей.

Засопел Вовчик, начал тихо похрапывать Пельмень.

Усталость взяла своё, и даже такой двуужильный человек, как Витька, стал клевать носом. Борьба со сном становилось с каждой минутой всё труднее, и скорее всего сон окончательно одолел бы Витьку. Но тут он сквозь слипающиеся веки увидел такое, от чего его глаза помимо воли распахнулись так широко, что им сделалось больно.

Через полянку, разевая рот в немом крике, с винтовкой наперевес пробежал самый настоя-

щий красноармеец в пилотке со звёздочкой, гимнастёрке и галифе.

Солдат выглядел настолько реально, что Витька невольно отшатнулся, побоявшись, что он заколет его штыком. Особенно поразило Витьку то, что этот красноармеец появился неизвестно откуда и так же непонятно куда исчез. При этом не шелохнулись ни один кустик и ни одна травинка, только воздух на какое-то время сделался ледяным, как в морозильной камере холодильника.

Витька облизал пересохшие губы и спешно принялся расталкивать дрыхнувших приятелей:

— Поднимайтесь! Да поднимайтесь же вы скорее! Уходим отсюда!

— Из нас ещё не вся усталость вышла, — сонным голосом отозвался Пельмень и, сладостно почмокав своими губищами, повернулся на другой бок. — Осталась самая малость... в пятках, — и он опять затрубил: — Хр-хр-хр...

— Ах ты, боров несчастный! — озлился Витька и ткнул его наконечником копья в зад.

Укол острым ножичком, по-видимому, оказался очень болезненным, потому что Пельмень взвился с таким диким воплем, будто его ужалила самая ядовитая змея на свете.

— Драться, да? — заорал он и от нетерпения начал даже хватать пальцами воздух, разыскивая свою дубину, чтобы незамедлительно совершить акт возмездия.

Витька, со страхом кося глазами по сторонам, быстро приложил палец к своим губам и сам зашипел как змей:

— Тс-с!

— Чего ты? — растерялся Пельмень и тоже стал с испугом озираться по сторонам.

— Призрак! — страшно хрипло произнёс Витька и сам вздрогнул от собственного голоса.

Прославленный слух Вовчика, намётанный на всё необычное, даже во сне умудрялся всё знать и всё слышать. Вот что значит настоящий учёный!

Вовчик сразу встрепенулся и, открыв глаза, громко осведомился:

— Какой такой призрак?

Пельмень с Витькой замахали руками, чтобы он замолчал и не накликал беды на их головы.

Но дотошный Вовчик и не подумал отставать, а, неотрывно глядя на бледного Витьку, подошёл и шёпотом переспросил:

— Какой призрак?

Витька вкратце рассказал о видении.

— Мне давно нужно такое редкостное явление исследовать, — всполошился Вовчик и бесстрашно приблизился к тому месту, где, по словам Витьки, пробежал красноармеец.

Он тщательно осмотрел непримятую траву, кусты, потрогал ветки, понюхал их и даже попробовал на вкус, а потом авторитетно заявил:

— Игра света и теней!

— Ты что, мне не веришь? — с угрозой подступил к нему Витька.

Вовчик, помолчав, сказал:

— Верю... Но научного подтверждения этому я не нашёл.

— По-твоему что ж... выходит, и меня наука отвергает? — хищно сузил глаза Витька.

— Тебя, конечно, нет... Тебя я вижу и даже могу рукой дотронуться... А вот твоему красноармейцу нет никаких доказательств, — упорствовал Вовчик.

— Ладно! — разозлился Витька. — Только когда увидишь его, не пугайся!

— Когда увижу, тогда и поверю, — стоял на своём упрямый Вовчик.

— Пове-е-еришь! — воскликнул Витька и злорадно пообещал: — Особенно когда он тебя догонит и своим штыком проткнёт!

Пельмень поразмыслил и вдруг сказал:

— Ну её ко всем шутам... дубинку эту... Чего её с собой таскать... Только морока одна с ней...

— Боишься, что не убежишь? — догадался Вовчик. — Поверил! Хотя научно это я ещё не доказал!..

— Я, конечно, не верю... — смущённо оправдался Пельмень. — Но всё-таки Витька не такой человек, чтобы врать зря...

— Вы ещё вспомните мои слова, — многообещающе заявил Витька. — Да только поздно будет.

Очевидно, Вовчик сообразил, что его крайнее недоверие совсем неуместно на ещё не исследованном острове, где и вправду может произойти всё что угодно, и он, пытаясь поладить, сказал:

— Пойдёмте спасать спички... А то пока мы

птицу найдём, она уже научится сама ими пользоваться...

Они в последний раз внимательно оглядели полянку на предмет спрятавшегося где-нибудь в кустах призрака. Не заметив ничего такого, что могло бы указать на его присутствие, мальчишки одновременно с некоторой долей разочарования и облегчения продолжили поход, оборачиваясь до тех пор, пока не скрылась за деревьями зловещая полянка.

Через некоторое время Вовчик, шагавший с задумчивым видом, расстался со своим лассо, отдав его Пельменю. Свой поступок он объяснил так: его дело — заниматься наукой, а не воевать, а для ведения боевых действий имеются более подходящие кандидатуры, которые в науке ни бельмеса не смыслят, а потому научный мир с их утратой совсем не обеднеет.

Пельмень неимоверно возгордился доверием уважаемого учёного. Повесив лассо на руку кольцами, он с весёлым и независимым видом стал поглядывать по сторонам: во-первых, в случае опасности оружие всегда под рукой, во-вторых, налегке удобнее убежать — совсем не то что с неуклюжей пудовой дубиной.

Неожиданно отряд вышел к болотистой местности. Мрачная картина открылась перед ними: на грязно-коричневом фоне торчали редкие обугленные деревца. Поверить в то, что они некогда имели цветущий вид, было немыслимо. Казалось, что ужасные черенки воткнуты неизвестными для устрашения...

Через какую-то минуту у мальчишек вырвался изумлённый крик. Они увидели прямо посреди болота могучий дуб таких размеров, что пешком не сразу и обойдёшь.

Витька на всякий случай сверился по компасу и с удовлетворением сказал:

— Кажется, мы находимся у цели...

Сомнения отпали, когда с вершины дуба взлетела огромная-преогромная птица и кругами поднялась на такую высоту, что стала казаться точкой.

Витька оглянулся: Пельмень с Вовчиком стояли разинув рты.

Поочередно кнув их копьём, Витька самым суровым голосом предупредил:

— Идти за мной след в след... Шаг влево, шаг вправо считается побегом...

Пельмень с Вовчиком встрепенулись и с подозрением уставились себе под ноги.

Витька смело ступил в болото и пошёл, чавкая ногами в вонючей жиже, нащупывая твёрдую почву концом копыя.

Члены экспедиции тронулись за ним.

Всё глубже становилось болото. Отряд брёл уже по колено. Попадались и совсем гиблые места. Их обходили с превеликой осторожностью, потому что копыё там тонуло целиком.

Гнетущая тишина неожиданно нарушалась громким бульканьем. Это на поверхность выходил болотный газ, который имел запах тухлых яиц. Тогда троица замирала и с опаской косилась на пузыряющуюся жижу. Таинственные процессы в недрах на время затихали, и приятели двигались дальше, то и дело спотыкаясь и обливаясь потом.

16

Когда же путешественники преодолели болото, их взорам предстал во всей своей величественной красе дуб. Правда, на поверку он оказался состоящим аж из двенадцати братьев-богатырей, стволы которых тесно переплелись между собой самым немислимым образом. Неудивительно, что издали их приняли за один дуб-великан.

Путешественники в восторге задрали головы: три песчинки у подножья огромной горы.

— Да-а-а... — протянул Вовчик. — На такой дуб ни одному человеку ни в жизнь не забраться.

Вовчик всё верно сказал: у экспедиции никаких инструментов, специально предназначенных для того, чтобы лазить по гладким стволам, с собой не было. Вот если бы им хотя бы самые завалиющиеся «кошки», которыми пользуются электромонтёры для лазания по столбам... Хотя дуб — это тебе не какой-то там паршивый столб, на который при желании можно забраться и без «кошек». Тут в самый раз пришёлся бы подъёмный кран. Тогда всё просто, хоп и готово — портсигар со спичками опять у хозяина. Только кран через болото не проедет — забуксует.

Но даже такая нерадостная перспектива с краном Витьку совсем не расстроила, и он, не унывая, сказал:

— Ничего, пацаны, что-нибудь придумаем... Без спичек нам никак нельзя...

— Тут хоть одумайся, — отчаялся слабовольный Пельмень. — Только нам на него не подниматься... Мы не скалолазы какие-нибудь...

У Витьки от удивления поползли вверх брови. Он внимательно оглядел Пельменя, который стоял, заложив руки за спину и вызывающе выпятив живот, как самый настоящий буржуй, и осторожно поинтересовался:

— Ты что ж, самолично собирался на него лезть?

— А чего? — независимо спросил Пельмень, не изменив позу.

Витька с Вовчиком переглянулись, и Витька, пожав плечами, самым добрым голосом предложил:

— Можем помощь оказать...

— Не надо мне помогать, — гордо отказался Пельмень. — Я и без вашей помощи поднимусь... Только вот... у меня альпинистского снаряжения нет.

Витька вытаращил глаза:

— Чего нет?

Пельмень, очевидно, и сам сообразил, что слегка перегнул (откуда тут взяться альпинистскому снаряжению?), и буркнул:

— Чего слышал...

— С альпинистским снаряжением, — начал вразумлять его Витька, — любой дурак поднимется... Куда ему самому захочется. Даже Вовчик, и тот залезет...

От похвалы у Вовчика сразу выпятилась его богатырская грудь, согнулись в локтях руки, приподнявшись, как крылья у петуха-забияки. Раздувая ноздри, он стал прохаживаться, искоса поглядывая на дуб, будто примериваясь, с какого бока к нему удобнее подступиться...

Пристыженный Пельмень примолк, а Витька, взглянув на Вовчика, поторопился исправить свою оплошность, сказал:

— А может, он и без всякого снаряжения залезет... Как человек-паук.

Пельмень моментально втянул живот так, что спёрло дыхание, и, расправив мощные

плечищи, подбоченился, выказывая всем своим могучим видом, что и его рано со счетов сбрасывать.

Витька одобрительно кивнул.

Хорошая всё-таки у него подобралась команда. И пока никто не успел расхолодиться, дал руководство к действию:

— Надо обойти вокруг дуба, всё как следует рассмотреть... Не может такого быть, чтобы пацаны на него не могли забраться.

Вовчик, покачиваясь, старательно приседая поочередно на левую и правую ногу, с топорищившимися локтями, направился в одну сторону, Витька — в другую.

Пельмень остался стоять. От недостатка воздуха его лицо всё сильнее наливалось свекольным соком, а заплывшие глазки стали заметно вылезать из орбит. Когда товарищи скрылись за дубом, Пельмень с облегчением выдохнул и, помахивая лассо, после секундного колебания двинулся за Витькой.

И вдруг Пельмень оторопел, как Робинзон Крузо, увидевший следы на песке.

Возле самой земли на коре дуба была вырезана почерневшая от дождей и времени надпись.

Присев на корточки, Пельмень принялся её изучать. После тщетных попыток прочесть самому, он поднялся и, сложив ладони рупором, крикнул:

— Пацаны, скорее сюда! Я что-то нашёл!

Затрещали кусты, будто сквозь них ломилось целое стадо диких лосей, и появились запыхавшиеся члены экспедиции.

— Смотрите!

Мальчишки торопливо присели у дуба, тесня друг друга плечами, стали с громадным любопытством разглядывать то место, куда указал Пельмень.

— Не... не вижу, — неуверенно признался Вовчик.

— А ещё учёный называется, — обвинил его в некомпетентности Пельмень.

— К чему такая... щепетильность? — обиделся Вовчик на невежественного в учёных делах товарища.

Быть бы опять ссоре, да тут Витька вдруг радостно крикнул:

— Вижу!

И он, разгородив копьё, лезвием принялся расковыривать едва приметные для глаз царапины. Через несколько минут кропотливого труда Витька торжественно прочёл:

— «Добро неизбежно».

Вглядываясь в надпись, исследователи приоткрыли.

Откуда-то появилась жёлтая бабочка-лимонница и начала порхать перед их лицами.

Пельмень оглядел притихших товарищей и негромко спросил:

— Кто бы мог это написать?

— Наверное, кто-нибудь из солдат, — предположил Вовчик, — которые здесь сражались.

С ним согласились.

Босой ногой Витька нащупал в траве что-то твёрдое и поднял. Разглядев со всех сторон ржавый металлический цилиндрок, он уверенно сказал:

— Гильза!

Пельмень зашарил глазами по сторонам:

— А вот ещё одна! И ещё! И ещё!

— Да их здесь целая гора насыпана! — поразился Вовчик количеству стреляных гильз.

— Жаркий бой был, — осёкшимся голосом сказал Витька. — Несладко пришлось нашим парням.

— Смотрите, что я нашёл! — заорал Вовчик, держа на ладони покорёженный кругляшок.

Витька слегка поскрёб кругляшок ножичком, чтобы очистить его от ржавчины, и мальчишки увидели пробитую пулей медаль «За отвагу».

Три пары горящих глаз не мигая смотрели на героический символ ратного подвига.

Они не заметили, как в стороне из-за кустов появился юноша в красноармейской форме. Голова у него была обвязана липкими от крови бинтами. Из пулевого отверстия, насквозь пронзившего медаль «За отвагу» и горячее сердце, тоненькими ручейками пульсировала кровь. Пошатываясь, он шёл прямо на мальчишек, вода перед собой пулемётом. По тому, как пулемёт в его руках непрерывно дёргался, было видно, что солдат поливал огнём врагов. Не смыкая рта, он кричал что-то протяжное, наверное, «Ура!».

До ребят оставалась пара шагов. Казалось, что сейчас красноармеец насквозь пройдёт

мирных мальчишек своим смертоносным огнём, как вдруг он медленно растаял в воздухе, и только колеблющееся ледяное марево успело накрыть исследователей.

Кожа у всех троих покрылась пупырышками.

— Что это? — вскрикнули в один голос Пельмень с Вовчиком, поёживаясь от нахлынувшего вдруг среди душного дня холода.

— А то и есть, — враждебно сказал Витька. — А вы не верили. Надо уходить отсюда.

— А к-как же с-спички? — вызвавшая зубами то ли от холода, то ли уже от страха, спросили растерянные члены экспедиции.

Поминутно оглядываясь, Витька быстро сказал:

— С той стороны дуба растёт невысоко сучок... Мне бы только добраться до него... А там... уже одни сучки пойдут...

— По-научному называется — крона, — подсказал Вовчик.

Витька поглядел на него ошалелыми, как у козы Фроськи, глазами и машинально повторил:

— Крона...

— А медаль? — напомнил Пельмень.

— Медаль возьмём с собой... Для школьного музея, — Витька сорвал лопух, бережно завернул в него медаль и спрятал в кармашек рюкзака под надёжную защиту металлической «молнии». Потом подумал и всыпал в рюкзак горсть стреляных гильз, пояснив: — Для музея всё пригодится...

— Хорошо бы ещё автомат настоящий найти, — мечтательно сказал Пельмень. — Тогда Серафим Фёдорович по истории нам точно по пятёрке бы поставил... А то он последнее время только и делает, что Митрофанушкой меня обзывает, — вздохнул Пельмень.

— Митрофанушка ты и есть! — вскипел Витька и, перекосив лицо, чтобы вышло пострашнее, передразнил: — Не хочу учиться, а хочу жениться.

— Чего ты? — растерялся Пельмень.

— А нечего... болтать... чего зря...

— Вот дурачок-то!.. — хихикнул Вовчик.

— Держи! — Витька сунул рюкзак Пельменю и скрылся в кустах.

С этой стороны дуба действительно один из сучков рос на отшибе, находясь ниже остальных. Правда, и до него чтобы добраться, Витьке пришлось залезать на плечи Пельменю. Но и при таком шатком положении сучка касались только кончики пальцев, хоть Витька и старательно извивался, вытягиваясь изо всех сил. Жаль, что он не бамбук, который за сутки вырастает на десять сантиметров, да и Пельмень так долго ждать не сможет. Не имея привычки пасовать перед трудностями, Витька подпрыгнул.

— Ты что, белены объелся?! — возмутился Пельмень, тем не менее продолжая добросовестно выполнять свои нелёгкие обязанности.

Ему на помощь бросился Вовчик, упёршись ногами в землю, а руками в спину, став на время живой подпоркой.

По тому, как Пельмень через минуту начал крупно вздрагивать и подвывать, боль в плечах, по-видимому, становилась у него всё мучительнее. Тогда Витька, сильно не мудрствуя, быстро наступил ему на голову и, оттолкнувшись, повис на суку. По физкультуре у Витьки всегда была твёрдая пятёрка, он легко подтянулся и, оседлав сук, помахал сверху. Отдохнув от волнений, Витька ловко покарбался по веткам, как Маугли.

Умирая от любопытства, Пельмень с Вовчиком глядели снизу и помогали ему разными указаниями.

Наконец Витька добрался до гнезда, которое располагалось на самой макушке и состояло из сухих веток, травы, глины, клочков шерсти и даже пожелтевших костей каких-то мелких животных. Размером оно было, наверное, с легковой автомобиль.

Витька с замиранием сердца запустил руку внутрь и нащупал большие шершавые яйца. Яйца его совсем не интересовали, хотя, если честно, поглядеть, какие они бывают у столь диковинной птицы, было очень заманчиво. Витька залез выше, заглянул в гнездо и отпрянул. Уже падая сквозь ветки, успел вскрикнуть:

— Атас, пацаны! Она питается людьми!

Очутившись на земле, Витька ошалело мет-

нулся в одну сторону, потом в другую и, видно совсем потеряв разум, рванул через болото.

Тут и Пельмень с Вовчиком, которые, остолбенело моргая, наблюдали за его странным поведением, сообразили, что пора уносить ноги.

Экспедиция мчалась, не выбирая дороги, разбрызгивая во все стороны грязь и ломая сухие ветки. От напряжённого бега наперегонки сбивалось дыхание.

— Ты что ви-видел? — крикнул Вовчик.

— Че-черепал..

— Ка-какие че-черепал?..

— Че-человеческие... С дыр-дырявыми глазами и оскаленными зу-зубами...

Сообщение так подействовало на толстого Пельменя, что он понёсся как на невидимых крыльях и скоро опередил всех. А потом и совсем пропал из вида, ухнув в трясины по самую грудь.

— Помогите! — завопил он оглушительным голосом. — Тону!

Подбежали остальные члены экспедиции и остановились в нерешительности: до барахтавшегося Пельменя руками было не дотянуться и ближе не подобраться — самих засосёт зловонная жижа.

В ужасе закатывая глаза, Пельмень голосил не хуже девчонки:

— Чего же вы стоите? Спасайте меня!

Витька хмуро смотрел на него, да вдруг как заорёт, отчего слабонервный Пельмень чуть разрыв сердца не получил, не дождавшись, когда сам утонет:

— Рюкзак где? Потерял?!

— Рюкзак у меня, — успокоил его Вовчик. — Вот он.

Витька протянул руку и только тут заметил в своих побелевших от напряжения пальцах портсигар, который в последний момент успел всё-таки с собой прихватить.

Глядя, как Витька по одному отгибает занемевшие пальцы, Пельмень впал в форменную панику. Он так начал плескаться, что поднял целый фонтан брызг, будто находился не в гиблом месте, а в каком-нибудь бассейне.

— Ты не дёргайся, — предупредил его Витька. — От этого только быстрее засасывает.

— Да-а... — заныл Пельмень. — Тебя бы на моё место... Я бы поглядел... как ты... не стал бы... дёргаться...

Витька повесил рюкзак на сучок, чтобы не мешал спасательным работам, и бросил лассо.

Пельмень изо всех сил вцепился в верёвку и нетерпеливо закричал:

— Тяните быстрее! А то мне здесь уже надоело!

И так потянул за свой конец, что чуть не уволок с собой на дно самих спасателей.

Перепуганный Витька рассердился и пригрозил, что если он и дальше будет вести себя столь безответственно, то они с Вовчиком не только свернут все спасательные работы, но и сами помогут ему скорее утонуть, чтобы зря не мучился.

Видя, что Витька настроен самым решительным образом, Пельмень сник, отдавшись воле судьбы, и спасатели смогли спокойно продолжить своё дело.

Работы были в самом разгаре. У Пельменя появилась надежда закончить свои дни не в угрюмых глубинах трясины, а в собственной кровати, дожив до преклонной старости, как вдруг солнце заслонила огромная зловещая тень и сверху на мальчишек спикировала та самая птица.

Витька с Вовчиком мгновенно уткнулись носом, растянувшись в грязи, как два поросянка, а Пельмень, тот вообще нырнул с головой.

Оставшись ни с чем, птица опять взлетела, гортанно прокричав что-то злобное.

Витька пожалел, что разгородил копьё: самое время было поквитаться с ненавистной птицей-людоедом, распоров её ненасытное брюхо.

Пока птица набирала высоту для новой атаки, Витька метнулся к обгоревшей берёзке и легко сломал её по самый корень.

Очередное нападение он встретил уже во всеоружии: широко размахивая дрынком и одновременно пугая голосом:

— Пошла отсюда, тварь! Кому говорю, пошла!

Осмелевший Вовчик так пронзительно заверещал, что наглая птица отступилась, всё же из жадности сцапав своими когтистыми лапами рюкзак, чтобы хоть чем-нибудь поживиться.

— Теперь мы совсем без всего остались! — горестно воскликнул Витька.

Выплёвывая грязь, Вовчик резонно заметил: — Главное, сами живые.

Тут они вместе поглядели на странно притихшего Пельменя и дружно вскрикнули: из последних сил задирая подбородок, он ртом выдувал пузыри, умудряясь ещё как-то дышать, но его устремлённый в голубое небо взгляд приятелям показался бессмысленным.

Витька животом навалился на ускользящий конец верёвки, схватил и, встав на колени, выгибаясь в пояснице до хруста в позвоночнике, натянул. К нему присоединился Вовчик. Багровея от натуги так, что, казалось, из щёк брызнет кровь, то и дело оскальзываясь, падая в грязь, они сантиметр за сантиметром стали отвоёвывать у болота его жертву.

Тем временем на краю леса замелькали тени. Резким порывом ветра взерошило ветви и высокую первозданную траву. Когда ветер внезапно стих, у лесной кромки стояли трое военных с суровыми лицами и молча наблюдали.

Первый, в офицерской фуражке, с кожаной портупеей и планшетом на боку, сжимал в опущенной руке пистолет, другая, покалеченная, рука висела на перевязи.

Второй опирался на палку, держа на весу правую ногу, туго перебинтованную грязными, засохшими от крови бинтами. На его шею болтался автомат.

Третьей была хрупкая, коротко стриженная девушка с медицинской сумкой через плечо. И если бы не её защитного цвета юбка, медсестру можно было принять за мальчишку.

Пельмень был известный обжора. Труднее, наверное, было тащить из болота только бегемота из сказки Корнея Чуковского «Телефон». Но настоящие друзья на то и считаются настоящими друзьями, потому что всегда познаются в самой тяжелой ситуации.

Как захапистая трясина ни сопротивлялась, не желая расставаться с таким упитанным «экземплярчиком», Витька с Вовчиком её одолели, хоть для этого и пришлось выложиться до конца.

...Военные повернулись и молча ушли, медленно растаяв в воздухе.

Чтобы отдышаться и поднабраться сил, мальчишки временно расположились у двух обгорелых берёзок, где было чуть посуше.

Очень смешно было вспоминать, что они думали, когда тянули из трясины не подававшего никаких признаков жизни Пельменя.

Размазывая по щекам слёзы вперемешку с грязью и соплями, друзья делились незабываемыми впечатлениями:

— Я думал, Колуне каюк настал! — рассказывал Витька. — Тащу его, а сам думаю: что мы с мертвецом будем делать?.. Ха-ха-ха-ха!..

— Ты — это что! А вот я! — ликовал Вовчик. — Думаю, утонут оба, что я их родителям скажу?.. Хи-хи-хи-хи!..

— А тебе одному из болота ни за что не выбраться!..

— Откуда ты знаешь?

— Знаю!.. И утонул бы ты вместе с нами... только в другом месте. Ха-ха-ха!..

— А я, — сказал Пельмень, — я в небо гляжу и думаю: последний раз солнце вижу... да и вообще всё... Даже вас, своих друзей... Хо-хо-хо-хо!..

Тем временем в небе разыгралась трагедия. Другая большая птица напала на птицу с рюкзаком, очевидно, приняв его за добычу. Сцепившиеся воздушные хищники огласили местность злобными, полными ненависти криками, во все стороны полетели перья, брызнула кровь.

После непродолжительной, но отчаянной схватки разбойница позорно ретировалась, преследуемая разъярённой недавней обладательницей трофея, который она в пылу борьбы выронила, не сумев воспользоваться.

Рюкзак нёсся к земле отвесно с нарастающим свистом, как настоящая бомба. Мальчишки даже затаили дыхание, будто и вправду ждали взрыва. Но взрыва, естественно, не произошло, потому что рюкзак он и в Африке рюкзак.

Витька на глаз определил место, куда он мог упасть, и заволновался.

— Надо торопиться! — заявил он. — Пока наша птица будет гоняться за другой пти-

цей, рюкзак требуется разыскать... А то, если она вернётся, опять его унесёт... Ищи-свищи потом.

Пельмень с Вовчиком с готовностью вскочили — как видно, дальнейшее пребывание на болоте становилось для них невыносимо тягостным.

— Прямо за мной! — скомандовал Витька. — В сторону не отклоняться!

Через какие-то полчаса он без единой потери вывел свой малочисленный отряд из топкого болота. Ощувив под ногами земную твердь, Витька обернулся и, широко размахнувшись, далеко в болото зашвырнул дрын, которым нащупывал почву.

— На, ешь... если ты такая ненасытная!..

Трясина в одно мгновение с хлюпаньем проглотила длинную палку, озлобившись на смелых мальчишек, которые сумели её облапошить.

Вовчик, торжествуя, запрыгал и запел:

— Теперь ты нас ни за что не достанешь! Вот тебе, гадкая трясина!

Не остался в долгу и Пельмень. За свои переживания он поквитался злорадным напутствием, для верности погрозив ещё и кулаком:

— У-у, вредина! Вот вырасту большой, я тебя сразу осушу!.. Узнаешь тогда, как людей засасывать в свою... пропасть!..

Болото в бессилии выпустило вонючий газ, но мальчишки дожидаться не стали, когда он распространится, и ушли, презрительно усмехаясь такой несусветной глупости.

(Окончание следует)

Михаил Анатольевич ГРИШИН

родился в 1959 г. в с. Саюкино (Тамбовск. обл.)

Прозаик, сценарист.

Автор четырёх книг прозы:

сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет», романов «Вкус мести», «Паутина», детской повести-сказки «Старая прялка, или Необыкновенные приключения Витьки Картошкина».

Публиковался в журналах «Тамбовский альманах», «Литературные незнакомцы» и др.

Дипломант Международного конкурса детской и юношеской художественной

и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого.

По результатам литературного конкурса «Российский сюжет» романы «Вкус мести» и «Паутина» готовятся к экранизации.

Член Союза писателей России, Товарищества детских и юношеских писателей России, Союза журналистов России.

Живет в Тамбове.

В журнале «Север» публикуется впервые.

